

Глава VI

ОСКАР ЛАНГЕ

И «КОНКУРЕНТНОЕ РЕШЕНИЕ»

В этой и в следующей главе мы рассмотрим различные попытки социалистических экономистов сформулировать «конкурентное решение» проблемы экономического расчета при социализме. С учетом этого в данной главе мы ставим перед собой две цели: во-первых, мы сделаем несколько вступительных замечаний по поводу того, какое место занимают наиболее существенные следствия из этой новой модели в общем контексте спора, а также рассмотрим исторические корни этой идеи; во-вторых, мы тщательно изучим то «решение», которое предложил Оскар Ланге. Хотя, вероятно, может показаться, что мы уделяем Ланге слишком много внимания и места, его идеи — а они из идей социалистических теоретиков известны лучше всего и на них чаще всего ссылаются — подверглись настолько неверной интерпретации, что подробный и тщательный их анализ абсолютно необходим. Мы завершим наше исследование «конкурентного решения» в следующей главе, где изучим, в частности, идеи Диккинсона, Дурбина и Лернера.

1. Вступительные замечания

Все варианты так называемого «конкурентного решения» являются, в большей или меньшей степени, попыткой создать нечто вроде «квазирынка» (как выражался Мизес), на котором поведение экономических субъектов напоминает поведение экономических субъектов в капиталистической системе настолько, насколько это возможно. Рассматривая разные предложения, мы увидим, что они обычно носят двусмысленный и неопределенный характер, и в той мере, в какой рекомендуемые системы остаются социалистическими, то есть систематически ограничивают свободное предпринимательство с помощью принужде-

ния, в этих предложениях не содержится ответа на изначально поставленный Мизесом и Хайеком вопрос о том, каким образом экономический расчет возможен тогда, когда необходимая для этого информация не создается.

Мы также увидим, что имеется два основных типа «конкурентных решений». Первый включает простые, вспомогательные решения, направленные на обеспечение возможности алгебраического расчета цен равновесия, предусмотренных математическим решением, которое мы проанализировали в предыдущей главе. Ко второму относятся полностью автономные решения, стремящиеся соединить лучшие черты двух систем, социализма и капитализма, посредством «рыночного социализма». Рыночный социализм в его наиболее смягченной форме трудно отличить от демократического социализма, или социальной демократии, а в наиболее «оригинальной» форме он представляет собой попытку найти «квадратуру круга», то есть решить все проблемы общества.

Пока, во всяком случае, нужно подчеркнуть, что широкая поддержка социалистическими теоретиками идеи «конкурентного решения» представляет собой не что иное, как неявное признание верности исходной позиции Мизеса 1920 г., то есть тезиса о невозможности экономического расчета в социалистических экономиках. Иными словами, атака австрийцев в лице Мизеса и Хайека на социализм привела к таким разрушениям, что социалистические теоретики были вынуждены отойти на (довольно слабо укрепленную) вторую линию обороны, построенную на ключевых элементах как раз той экономической системы, которую они так ненавидели и которой желали гибели. Как показал Фриц Махлуп, на самом деле победа Мизеса была настолько подавляющей, что в наше время никто ни теоретически, ни практически не сомневается в том, что в отсутствие децентрализованной системы цен планирование невозможно. Несмотря на это, большинство теоретиков, мягко говоря, все еще проявляют загадочное нежелание признать ценность достижений Мизеса. Кроме того, они пока не вполне поняли суть его открытия и не отреагировали на него; между тем, оно состоит в теоретическом доказательстве того, что в системе, где отсутствуют частная собственность на средства производства и свобода предпринимательства, практическая, рассеянная, субъ-

ективная информация, которая обеспечивает координацию в обществе, не может быть создана¹.

Неудивительно поэтому, что главные представители австрийской школы, участвовавшие в споре, подчеркивали принципиальную важность того, что их оппоненты - социалисты отказались от традиционного для них представления, будто бы система централизованного планирования, которое осуществляет правительственный орган, — это единственный «рациональный» способ организации общества, и, совершив поворот на 180 градусов, начали с различной степенью энтузиазма рекомендовать возврат к конкуренции². Итак, по мнению Мизеса³, доказательство того, что при социалистическом режиме

¹ «При нынешнем состоянии спора те, кто пишет о теории или практике централизованного экономического планирования, больше не сомневаются, что ценовой механизм представляет собой необходимый инструмент для планирующего органа. По этому пункту точка зрения Мизеса явно одержала победу, как и по другому: сегодняшние сторонники планирования явным образом выступают за “децентрализованные” процедуры» (Fritz Machlup, “The Economics of Information and Human Capital,” vol. 3 of *Knowledge: its Creation, Distribution and Economic Significance*, 191). На с. 190 читаем: «...эта полемика не затрагивала сути позиции Мизеса. Вопрос не в том, возможен ли расчет (в том числе практически) при условии доступности всех “данных”, а в том, могут ли значимые данные быть доступными центральному плановому органу. Суть открытия Мизеса состоит в том, что информацию, необходимую для рационального централизованного планирования, невозможно получить, и что для рационального размещения ресурсов нужны и сами продукты, и рыночные цены на находящиеся в частной собственности средства производства».

² Trygve J. Hoff, *Economic Calculation in the Socialist Society*, 238. Хофф пишет даже, что некоторые варианты «конкурентного решения» вообще находятся за пределами строгого определения социализма и соответственно, на них даже не следует реагировать. Утверждение Хоффа не оправдано в контексте нашего определения социализма (как любой системы институциональной агрессии против свободного предпринимательства), которое является одновременно широким и точным, и потому позволяет нам использовать сформулированные выше возражения против социалистической системы во всех тех случаях, когда агрессия такого типа совершается в любой, сколь угодно малой степени по отношению к любой социальной сфере.

³ «То, что интеллектуальные лидеры социализма сейчас занимаются разработкой проектов социалистической системы, в которой

экономический расчет невозможен, завоевало умы со скоростью, не имеющей себе равных в истории экономической мысли; социалисты были не в состоянии уклониться от признания своего окончательного поражения и перестали проповедовать традиционное марксистское учение о том, что социализм превосходит капитализм тем, что он позволяет обходиться без рынка,

сохраняются рынок, рыночные цены на факторы производства и катаклическая конкуренция, представляет собой не что иное, как полное признание правильности и неопровержимости анализа экономистов и уничтожающей критики социалистических планов. Необыкновенно быстрый триумф наглядного доказательства того, что в социалистической системе невозможен никакой экономический расчет, не имеет прецедентов в истории экономической мысли. Социалисты не могут не признать своего окончательного сокрушительного поражения. Они больше не заявляют, что социализм несравненно лучше капитализма, так как устраняет рынки, рыночные цены и конкуренцию. Напротив, сейчас социалисты стремятся оправдать социализм, указывая на то, что эти институты можно сохранить и при социализме. Они разрабатывают планы социализма, в котором присутствуют цены и конкуренция» (Ludwig von Mises, *Human Action*, 706 [Мизес. Человеческая деятельность. С. 661]). Между прочим, когда Мизес писал эти слова в 1949 г., они могли показаться чересчур смелыми, но они оказались пророческими, и спустя сорок лет история, по признанию известного ученика Оскара Ланге, социалиста Роберта Хейлбронера, подтвердила правоту Мизеса: «Менее, чем через 75 лет после официального старта, соревнование капитализма и социализма закончилось. *Капитализм победил*. СССР, Китай и Восточная Европа дали нам неопровержимейшее доказательство того, что капитализм устраивает материальные дела людей лучше, чем социализм. ... Действительно, наблюдая за происходящим сегодня в мире, трудно не прийти к заключению, что верблюд капитализма просунул морду в палатку социализма так глубоко, что главный вопрос сегодня состоит в том, как быстро произойдет трансформация социализма в капитализм, а не наоборот, как это казалось еще 50 лет назад» (*The New Yorker*, January 23, 1989). См. также: Robert Heilbroner, "Analysis and Vision in the History of Modern Economic Thought", *Journal of Economic Literature* 28 (September 1990): 1097–1114, esp. pp. 1097, 1110–1111. Хейлбронер приходит к выводу о том, что «социализм был величайшей трагедией нашего века» и «Мизес был прав». См. также интервью Роберта Хейлбронера Марку Скоузену от 18 апреля 1991 г. Это интервью опубликовано в 1991 г. журнале *Liberty* (vol. 4, no. 6 (July 1991): 45–50, 63). (Сокращенный вариант этого увлекательного интервью опубликован в *Forbes* [May 27, 1991].)

цен и конкуренции. Наоборот, теперь они с комической серьезностью стремятся оправдать социализм тем, что он позволяет сохранить рынок, и даже пытаются доказывать, что рынок и капитализм являются различными и не обязательно связанными друг с другом экономическими категориями⁴.

В статье 1935 г., посвященной тогдашнему состоянию полемики⁵, и в работе 1940 г., которую он специально посвятил

⁴ Именно в текстах Оскара Ланге мы впервые сталкиваемся с трагикомическими усилиями теоретиков «рыночного социализма», направленными на то, чтобы убедить своих попутчиков-социалистов и общественность в том, что «рынок» — это институт, не имеющий ничего общего с капитализмом, и при социализме его можно использовать в качестве инструмента. Действительно, Ланге даже писал, что рынок «это древний институт, который настолько типичен для капитализма, что его часто смешивают с капитализмом, но на самом деле он значительно старше капитализма», а «цены и деньги, кроме того, что они типичны для современного капитализма, являются институтом, который следует сохранить в социалистическом обществе» (Lange, “The Economic Operation of a Socialist Society: I & II,” *Contributions to Political Economy*, no. 6 [1987]: 7, 13.) Современные «рыночные социалисты» повторяют это, как попугаи. См., напр.: *Market Socialism*, ed. by Julian Legrand and Saul String (Oxford: Clarendon Press, 1989). В своем блестящем критическом анализе рыночного социализма *Market Socialism: A Scrutiny. This Square Circle* (London: Institute of Economic Affairs, Occasional Paper 84, 1990), Энтони де Ясаи иронически описывает позицию «рыночных социалистов» в этом пункте следующим образом: «Апологеты капитализма узурпируют рынок, присваивая его, как если бы функционирование рынка — эффективного института — зависело от капитализма — отвратительной системы отчуждения. Однако представление о том, что рынок и капитализм тесно связаны, — это всего-навсего ловкий трюк. Традиционные социалисты попадают на него и считают, что они не любят рынки и не доверяют им, тогда как на самом деле они отвергают капитализм. В этом смешении проявляется их неспособность понять, что рынок можно научить обслуживать социалистические цели, подобно тому, как сегодня он обслуживает капиталистические цели. Действительно, хотя такие авторы и не говорят этого прямо, они неявно рассматривают рынок как нейтральный инструмент в руках его политического повелителя, который может использовать его для создания такого общества, какое пожелает».

⁵ «Многие социалисты более молодого поколения, серьезно изучавшие сопряженные с социализмом экономические проблемы, оставили веру в централизованно планируемую экономическую

критике «конкурентного решения», Хайек, в типичной для него изысканной манере, не смог удержаться от того, чтобы сделать по этому поводу несколько саркастических замечаний⁶. Хайек привлекает внимание к важности того, что молодые социалисты, добросовестно и серьезно изучившие экономические проблемы, которые ставит социализм, отказались от мыслей о потенциальной работоспособности экономики, основанной на централизованном планировании, и вместо этого доказывали, что конкуренцию можно сохранить, даже когда частная собственность на средства производства будет уничтожена. Таким образом, они расстались с традиционным марксистским представлением о том, что планирование не просто является противоположностью конкуренции, но что его главная цель состоит в том, чтобы устранить конкуренцию, тем самым обеспечив реализацию истинно социалистического «идеала».

2. Исторические корни «конкурентного решения»

До того, как Ланге, Диккинсон, Дурбин и Лернер изящно изложили свои варианты «конкурентного решения», похожие идеи

систему и возложили надежды на то, что конкуренцию можно сохранить, даже если будет отменена частная собственность» (F. A. Hayek, “The Present State of the Debate” in *Collectivist Economic Planning*, 238 [Хайек Ф. Экономический расчет при социализме II: состояние дискуссии (1935) // Хайек Ф. Индивидуализм и экономический порядок. С. 174]).

⁶ «С первым и наиболее общим вопросом можно разобраться достаточно быстро, хотя он весьма важен, если иметь намерение видеть новые предложения в правильном свете. Это просто напоминание о том, сколько первоначальных претензий на превосходство планирования над конкуренцией отбрасывается, если плановое общество теперь должно в большой мере полагаться на конкуренцию в управлении своими отраслями. Вплоть до недавнего времени по крайней мере, планирование и конкуренция обычно считались противоположностями, и это бесспорно все еще верно в отношении почти всех сторонников планирования, кроме немногих экономистов из их числа» (F. A. Hayek, “Socialist Calculation III: The Competitive Solution” in *Individualism and Economic Order*, 186 [Хайек. Экономический расчет при социализме III: конкурентное решение // Хайек. Индивидуализм и экономический порядок. С. 181]).

развивали и другие теоретики, по-английски и по-немецки, хотя и в менее законченном и довольно корявом виде. В странах немецкого языка теоретическое развитие в этой области началось в 1920-е годы в ответ на фундаментальную статью Мизеса; этим занимались главным образом Эдуард Хейман и Карл Поланьи. Их объединяло то, что оба отстаивали решение, предполагавшее некоторый уровень «конкуренции» между монополиями и трестами, которые, находясь под надзором профсоюзов или государства, должны были стать основой экономической организации социализма. За исключением нескольких замечаний Роупера на эту тему, на английском первоначально было очень мало работ о «конкурентном решении», и то, что Мизес и Хайек обсуждали и критиковали его до того, как были опубликованы уточненные работы Ланге, Диккинсона, Дурбина и Лернера, показывает, что эта концепция, вероятно, формировалась в устной традиции, на семинарах, по мере того как последствия спора становились все более серьезными. Этим объясняется также то, почему многие из идей, которые упомянутые исследователи позднее включили в свои работы, уже «носились в воздухе» академического мира за несколько лет до их публикаций.

Идеи Эдуарда Хеймана и Карла Поланьи

Эдуард Хейман был одним из первых теоретиков, кто писал по-немецки о «конкурентном решении», конкретно — в книге 1922 г. «Прибавочная стоимость и коллективная экономика: критические и положительные замечания о теории социализма»⁷. Хейман понимает ключевое значение цен и рынка, но стремится во что бы то ни стало создать социалистическую систему. Он пытается разрешить это противоречие с помощью того, что он называет *freundlichen Wettbewerb* [мирной, или дружеской, конкуренцией]. Такая упорядоченная и подконтрольная «конкуренция» могла бы существовать между менеджерами разных предпринимательских и отраслевых организаций, на которые, согласно Хейману, была бы разделена экономическая система. Во всяком случае, Хейман, социалист с христи-

⁷ Eduard Heimann, *Mehrwert und Gemeinwirtschaft: Kritische und Positive Beiträge zur Theorie des Sozialismus* (Berlin: Robert Englemann, 1922).

анскими корнями, продолжает испытывать серьезные сомнения насчет того, совместимы ли в конечном счете конкуренция и социализм. Его научная честность не подлежит сомнению, так как он признает значительные преимущества капиталистической конкуренции; он также был одним из первых теоретиков, кто, вскоре после самого Маркса, признал серьезность проблемы экономического расчета, которая неизбежно затрагивает всякую социалистическую систему. Тем не менее Хейман придерживается мнения, что если бы у менеджеров разных отраслевых монополий просто были разные цели, идеалы и интересы, то результат их деятельности был бы таким же «конкурентным», как и тот, который непрерывно производит настоящая рыночная экономика. Он полагает, что так можно было бы избежать проблем с экономическим расчетом и сохранить конкурентную систему даже в отсутствие частной собственности на средства производства и при эгалитарном распределении дохода. Кроме того, Хейман предлагает отменить арендную плату, проценты с капитала и дивиденды и направлять их прямо центральному органу принуждения. Наконец, менеджеры отраслевых монополий получают указание держать цены на уровне издержек, и у них в принципе не будет возможности использовать ту власть монополистов, которую обеспечивает им их положение.

В своем подробном критическом анализе предложений Хеймана Георг Хальм отметил⁸, что «конкуренция» между менеджерами отраслевых монополий будет конкуренцией в кавычках. Невозможно представить, как менеджеры отраслевых монополий смогли бы оценить свои издержки, не только из-за запрета на свободную конкуренцию и предпринимательство внутри каждой отрасли, но и потому, что ключевым фактором для определения издержек являются нормы амортизации, которые рассчитываются, исходя из ставки процента, которая не была бы в данном случае результатом конкурентного процесса, а устанав-

⁸ См. критический анализ позиции Хеймана в: *Collectivist Economic Planning*, p. 189–200. На этих страницах находится раздел 25 опубликованной в этом сборнике статьи Георга Хальма. Статья называется «Некоторые дополнительные замечания о возможности корректного расчета в социалистическом сообществе» (Georg Halm, “Further Considerations on the Possibility of Adequate Calculation in a Socialist Community”); Хайек включил ее в сборник потому, что хотел, чтобы Хальм обобщил состояние дел в этой области в контексте полемики в германской академической среде до 1935 г.

ливалась бы — совершенно произвольно — центральной властью. Кроме того, Хейман не понимает, что суть работы рынка состоит в осуществлении предпринимательства, и только оно обеспечивает возможность непрерывно искать и создавать практическую информацию, необходимую для экономического расчета в каждом конкретном случае. В модели Хеймана запрет на свободное предпринимательство охватывает очень широкую сферу экономической жизни, и, таким образом, его модель не допускает создания этой информации и не решает проблему экономического расчета. Непонятно, как менеджеры различных монополий смогут действовать подобно предпринимателям, не только потому, что они не смогут получить предпринимательскую прибыль (которая будет исключена по определению, и, соответственно, не будет работать как предпринимательский стимул, поощряющий их находить и создавать необходимую для экономического расчета информацию), но и потому, что они не смогут развивать конкуренцию даже внутри отрасли.

За десять лет до Хальма Мизес уже указал⁹ на то, что предложения Хеймана отличаются крайней неопределенностью, в основном потому, что он не объясняет характер связи, которая будет существовать между разными промышленными группами и государством (или центральным плановым органом). Ведь если разные монополизированные отрасли ведут себя как настоящие собственники средств производства, то мы получим систему синдикалистского типа, подобную той, с которой экспериментировали в Югославии, со всеми ее пороками и с характерным для такой системы отсутствием координации. В то же время, если профсоюзные организации будут выполнять исключительно управленческую функцию, а конечная ответственность за экономическую координацию системы в целом будет лежать на государственном центре планирования, то типичные проблемы с экономическим расчетом, подробно описанные Мизесом, расцветут во всей красе. Итак, теоретически невозможно представить себе конкуренцию «контролируемого и мирного типа», отличную от свободной конкуренции. Конкуренция либо есть,

⁹ Мизес критиковал Хеймана в статье “Neue Beiträge zum Problem der Sozialistischen Wirtschaftsrechnung,” *Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik*, no. 51 (1924): 488—500. Расширенная версия этой статьи включена в приложение к книге Мизеса *Socialism*, 475—478 [Мизес. Социализм. С. 330—332].

либо ее нет, в зависимости от того, есть свобода предпринимательства или ее нет (кроме того, как мы объяснили в главе 2, она всегда подчиняется традиционным принципам частного права), и предложения Хеймана могли бы иметь смысл только в статичном, нереальном мире, в котором не происходит никаких изменений и доступна вся информация, необходимая для экономического расчета. Наконец — и это возражение Мизеса, которое систематически и демонстративно игнорировали теоретики «рыночного социализма» следующего поколения, является чрезвычайно важным — нелепо считать, как Хейман, что цены можно определить в терминах издержек. С точки зрения Мизеса, эта идея абсурдна не только потому, что издержки абсолютно субъективны и их можно оценить исключительно в контексте конкретной деятельности, неявно и «предпринимательски», но также потому, что те денежные издержки, которые рассматриваются во время личных экономических расчетов, это просто оценки цен на факторы производства (и это значит, что их нельзя «объективно» передать в бюро планирования, ни сгенерировать непосредственно в этом органе), и поэтому любое предложение определять цены с помощью издержек — это всегда пример рассуждений в кругу, неспособных разрешить проблему экономического расчета.

Карл Поланьи¹⁰ в статье 1922 г. об экономическом расчете при социализме¹¹ переходит от заявления о невозможности

¹⁰ Карла Поланьи (1886—1964) не следует путать с его братом Майклом Поланьи, который, как мы видели, был одним из создателей теории о том, что неявный, рассеянный характер знания делает экономический расчет невозможным в любой системе, где люди не могут свободно действовать или заниматься предпринимательством. Может показаться странным, что два брата занимали противоположные позиции, однако то же самое относится к Людвигу фон Мизесу и его брату Рихарду; Рихард разработал позитивистскую концепцию вероятности и защищал применение математических и статистических методов в общественных науках, что Людвиг всегда резко осуждал. Разница в теоретических взглядах в обоих случаях повлияла на личные отношения между братьями; и братья Поланьи, и братья Мизесы относились друг к другу довольно холодно и отчужденно.

¹¹ Предложение Карла Поланьи изложено в его статье “Sozialistische Rechnungslegung,” *Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik*, no. 49 (1922): 377—420. Позже Карл попытался ответить на критику, в основном со стороны Мизеса и Феликса Вайля, в дру-

экономического расчета в системе централизованного планирования к туманной идее «гильдейского социализма», где «собственностью» на средства производства будет обладать центральное бюро планирования, в то время как правом использовать продукцию, потребительские блага и услуги будут обладать гильдейские производственные ассоциации. Поланьи, подобно Хейману, предлагает двусмысленное решение, а также, подобно Хейману, не сообщает, кому будет принадлежать окончательное право принятия решений: центральному органу принуждения или гильдейским ассоциациям. Если право окончательного решения принадлежит центральному плановому органу, тогда перед нами вновь возникает проблема, как получить рассеянное знание, недоступность которого препятствует экономическому расчету в централизованных системах. С другой стороны, если окончательные решения принимают профессиональные синдикалистские организации, использующие систематическое принуждение по отношению к своим членам, то тогда мы имеем дело с разновидностью синдикалистского социализма, который неспособен ни к какой координации¹².

Первые критические возражения Мизеса, Хайека и Роббинса против «конкурентного решения»

Перейдем теперь к англоговорящей научной среде. До работ Ланге, Диккинсона, Дурбина и Лернера, за исключени-

гой статье, опубликованной в том же журнале, no. 52 (1924): 218—228. Эта статья называлась “Die Funktionelle Theorie der Gesellschaft und das Problem der Sozialistischen Rechnungslegung (Eine Erwiderung an Prof. Mises und Dr. Felix Weil)”.

¹² Критика предложений Карла Поланьи в основном исходила от Мизеса; с ней можно ознакомиться в тех же статьях, где он критикует Хеймана (см. сноску 9). В книге Мизеса *Socialism* критике Поланьи посвящены с. 473—475 (англ. изд.) [Мизес. Социализм. С. 329—330]. См. также критическую статью Феликса Вайля: Felix Weil, “Gildensozialistische Rechnungslegung. Kritische Bemerkungen zu Karl Polanyi ‘Sozialistische Rechnungslegung’; in diesem Archiv 49/2, s. 377ff.,” *Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik*, no. 52 (1924): 196—217. Хофф (Hoff, *Economic Calculation in the Socialist Society*, 243) отмечает, что Феликс Вайль назвал предложение Карла Поланьи «невозможным и даже бессмысленным».

ем кратких замечаний У. Роупера¹³, по-английски мало что было написано о «конкурентном решении». Однако, как мы уже отмечали, в научных кругах имела хождение относительно развитая доктрина на этот счет, давшая Мизесу и Хайеку возможность высказать ряд критических замечаний по отношению к предложениям такого рода. Первые замечания в связи с «конкурентным решением» принадлежат Мизесу; они опубликованы в посвященном «искусственному рынку» разделе его книги «Социализм», вышедшей по-немецки в 1922 и переведенной на английский (а также расширенной) в 1936 г. Мизес считает рынок «фокусом» и сутью капиталистической системы, и полагает, что рынок может расцвести только при капитализме, а при социализме невозможно «искусственно» симитировать ни рынок, ни конкуренцию. То, как Мизес обосновывает это утверждение, целиком и полностью согласуется с тем, как мы в главе 2 объясняли координирующий характер предпринимательства, а также показывает, что, хотя между 1920 г., временем опубликования исходной статьи, и 1922 г., когда он написал книгу (исправленную и дополненную для издания, вышедшего по-английски в 1936 г.), его идеи не изменились, он стал намного лучше формулировать их в письменном виде.

Действительно, как мы уже видели, Мизес утверждает, что именно предприниматель создает необходимую для экономического расчета практическую информацию. Он пишет: «Именно спекулирующие капиталисты [то есть предприниматели] создают данные, к которым он должен приспособивать свой бизнес, и которые, соответственно, определяют направление его торговых операций»¹⁴. Однако, информацию можно создать, обнаружить или «увидеть», только если предприниматель преследует какую-либо цель, которая стимулирует его на поиск этой информации. Таким образом, стимулом является цель или прибыль, которой предприниматель

¹³ Willet Crosby Roper, *The Problem of Pricing in a Socialist State*. См. с. 60 и 62, где он рассуждает о необходимости сохранения конкуренции и прямо говорит, что степень эффективности, которой можно ожидать от социалистической системы, будет зависеть от степени, в какой эта система сможет имитировать конкуренцию, присущую капиталистическому режиму. См. также сноску 30 в главе 5.

¹⁴ Ludwig von Mises, *Socialism*, 121 [Мизес. Социализм. С. 94].

стремится достичь посредством своей деятельности; если права собственности не признаются и, соответственно, предприниматель не может достичь своей цели или получить прибыль, то он и не будет порождать необходимую для экономического расчета информацию, так что и типичный для рыночной экономики процесс координации не будет запускаться. Мизес пишет: «Без стремления предпринимателей... к прибыли... об успешном функционировании всего механизма не приходится и думать... Ибо движущей силой всего процесса, который порождает рыночные цены на факторы производства, является неустанное стремление части капиталистов и предпринимателей к максимизации прибыли...»¹⁵ Поэтому невозможно отделить рынок и его типичные функции — относящиеся к ценообразованию и способности координировать отдельные действия его участников — от института частной собственности на средства производства. Иными словами, с того момента, как частная собственность на средства производства отменяется, бесполезно требовать от менеджеров компаний, чтобы они вели себя как предприниматели, потому что они оказываются «во мраке неведения» сразу, как только утрачивают возможность достигать того, что они субъективно оценивают как свою потенциальную прибыль¹⁶.

Кроме того, с точки зрения Мизеса, гипотетическому «государственному банку» бессмысленно распределять свои ресурсы между теми менеджерами, которые предлагают наиболее высокую «прибыль». «Такое положение дел просто означает, что капитал для расширения своих начинаний получают наименее осторожные и наиболее оптимистичные управляющие, а более осторожные, склонные к сомнениям, останутся с пустыми руками. При капитализме капиталист принимает решение, кому доверить свой собственный капитал»¹⁷. Следовательно, этот процесс основан не на том, чтобы предложить максимально высокую прибыль, а на практической информации, которая генерируется на капиталистическом рынке, когда

¹⁵ Ludwig von Mises, *Socialism*, 119 [Мизес. Социализм. С. 93].

¹⁶ «Если исчезает надежда на прибыль, механизм рынка теряет главную пружину, ибо только эта надежда приводит его в движение и поддерживает его работу» (Mises, *Socialism*, 119 [Мизес. Социализм. С. 93]).

¹⁷ Ludwig von Mises, *Socialism*, 121 [Мизес. Социализм. С. 95].

предприниматели действуют соответственно своим представлениям о будущем, движимые *психологическим напряжением*, возникающим между их желанием получить прибыль и тем, как они субъективно оценивают свои шансы понести убыток. На свободном рынке менеджер, по сравнению с предпринимателем, находится в принципиально иных условиях и никогда не будет иметь доступа к той же практической информации, что предприниматель; поэтому в социалистической системе окончательное «предпринимательское» решение будет принимать центральный орган планирования, который уполномочен решать, кто получит соответствующие фонды и ресурсы. Как нам уже известно, центральный орган в принципе не может получить практическую информацию, которая необходима ему, чтобы действовать рационально. Мизес делает вывод, что существует «альтернатива: *либо социализм, либо рыночная экономика*», но считать промежуточным «решением» «рыночный социализм» совершенно нереально¹⁸.

В последних пяти разделах (то есть на 25 страницах) своей статьи 1935 г., посвященной «текущему состоянию спора», под заголовком «псевдоконкуренция» Хайек критикует и модели, предложенные исследователями, писавшими по-немецки, которые мы подробно описали, когда говорили о Хеймане и Поланьи, и другие проекты «рыночного социализма», которые устно формулировали социалистические экономисты младшего поколения из лондонских экономических кругов (проекты, которые на тот момент еще не были опубликованы).

Анализируя «лежащую в русле германской традиции» модель конкуренции отраслевых монополий, каждая из которых должна придерживаться правила соответствия цены издержкам, а конкретно, производить такое количество продукции, при котором предельные цены совпадают с издержками, Хайек повторяет и расширяет сформулированные первоначально Мизесом, Хальмом и Вайлем аргументы, которые мы приводили в ответ на предложения Хеймана и Поланьи. Хайек отмечает, что когда межотраслевая конкуренция запрещена, внутри каждого сектора исчезает возможность появления необходимой для экономического расчета информации о ценах и издержках. Кроме того, он критикует идею о том, что

¹⁸ Ludwig von Mises, *Socialism*, 123 [Мизес. Социализм. С. 96].

издержки можно использовать в качестве ориентира для установления цен или для определения объема производства. Дело не только в том, что цены субъективны и могут быть установлены только в контексте рынка, где можно корректно оценить все потенциальные возможности, от которых человек отказывается, когда начинает действовать; существенно также то, что издержки всегда зависят от будущих ожиданий. Как говорит Хайек, «конкурентные, или необходимые, издержки не могут быть известны, если нет конкуренции»¹⁹, и здесь имеется в виду не только подлинная конкуренция между разными отраслями, но и, в особенности, конкуренция между различными компаниями на внутриотраслевом уровне. Таким образом, издержки не являются чем-то, что может стать «объективно» доступным центральному бюро планирования или менеджерам отраслевых монополий, а представляют собой субъективные оценки, зависящие от предпринимательских возможностей каждого экономического субъекта, который принимает решения на рынке.

Кроме того, критерий предельных издержек, как уже показал Мизес, порождает порочный круг, и в силу этого его невозможно применить на практике. Издержки не просто представляют собой субъективные, альтернативные издержки: дело в том, что они рассчитываются в абсолютных цифрах на основании прогнозируемых цен на факторы производства. Поэтому цены вряд ли можно определить, исходя из издержек; ведь издержки тоже представляют собой цены. Это становится особенно ясно видно, если обратиться к роли амортизации основного капитала как компонента издержек. Капитал — это просто текущая ценность будущей последовательности рентных платежей или цен, соответствующих услугам, получаемым от данного капитального блага, и эти рентные платежи или цены нужно оценить, чтобы вычислить текущую ценность этого блага; таким образом, нормы амортизации основного капитала являются одним из компонентов издержек. Следовательно, невозможно определить цену через издержки, так как амортизационный компонент издержек требует предва-

¹⁹ F. A. Hayek, "The Present State of the Debate," *Collectivist Economic Planning*, 227 [Хайек Ф. Экономический расчет при социализме II: состояние дискуссии (1935) // Хайек Ф. Индивидуализм и экономический порядок. С. 168].

рительной оценки будущих цен. Хайек писал по этому поводу: «Большая часть того, что обычно обозначается как “издержки производства”, фактически не является элементом стоимости, данным независимо от цены продукта, но квазиарентой, или нормой амортизации, начисляющейся на капитализированную величину ожидаемых квазиарент, и потому зависит от ожидаемых в будущем цен»²⁰.

Более того, Хайек настаивает на том, что невозможно установить иначе как совершенно произвольно, какой монополизированный сектор или отрасль должен служить основой для обсуждаемой социалистической модели. Будет ли каждый из секторов включать все промежуточные отрасли и стадии, которые участвуют в изготовлении какого-то потребительского блага или услуги? Или, может быть, каждый из секторов будет включать все отрасли и компании, которые производят одно и то же промежуточное благо? Или же будет использоваться сочетание этих двух вариантов? Очевидно, что, в силу того, что каждое потребительское благо или услуга имеют для каждого индивида или органа разное субъективное значение, концепция сектора или отрасли, вне зависимости от выбора критерия, будет совершенно произвольной. Кроме того, такие сектора должны будут изменяться с течением времени, поскольку изменения в наборе производимых товаров и услуг или в самих технологиях и капитальных благах при неизменности критерия приведут к тому, что список компаний, входящих в состав каждого сектора, будет постоянно меняться. Таким образом, концепция отрасли теоретически абсурдна: отрасль невозможно объективно определить, она может иметь различные формы. Она имела бы смысл только в статичном мире, где вся информация дана и никаких изменений не происходит²¹.

Хайек критикует также модель, в которой псевдоконкуренция признается желательной не только на межотрасле-

²⁰ F. A. Hayek, “The Present State of the Debate,” *Collectivist Economic Planning*, 227 [Хайек Ф. Экономический расчет при социализме II: состояние дискуссии (1935) // Хайек Ф. Индивидуализм и экономический порядок. С. 167].

²¹ F. A. Hayek, “The Present State of the Debate,” *Collectivist Economic Planning*, 231 [Хайек Ф. Экономический расчет при социализме II: состояние дискуссии (1935) // Хайек Ф. Индивидуализм и экономический порядок. С. 169].

вом уровне, но и внутри отраслей, то есть между компаниями внутри одной отрасли. В этой второй модели центральное бюро планирования функционирует как некий «супербанк», присваивающий прибыль всех компаний и отраслей и распределяющий между ними соответствующие инвестиционные ресурсы. Средства производства принадлежат государству, но предполагается, что отдельные компании будут действовать «конкурентно», то есть стремиться получить «прибыль» и избежать «убытка».

Критические замечания Хайека по поводу второй группы проектов конкурентного социализма, где сфера действия конкуренции расширяется до степени, максимально возможной в системе с государственной собственностью на средства производства, и где центральный плановый орган вмешивается только для того, чтобы присвоить прибыль и распределить инвестиционные ресурсы, представляют некоторый интерес, в основном с точки зрения их значения для современной теории прав собственности и с точки зрения анализа поведения бюрократов и государственных чиновников школой общественного выбора²². Однако они не включают основных теоретических возражений, уже сформулированных Мизесом. Хайек отмечает, что даже если «конкуренция» разрешена на всех уровнях, в отсутствие частной собственности на средства производства будет необходимо создать или найти иную систему для подтверждения того, что соответствующие менеджеры поступают правильно. Хайек перечисляет и анализиру-

²² Связь с современной школой общественного выбора ясно видна по следующему замечанию Хайека о проблеме бюрократии: «В лучшем случае это будет системой квазиконкуренции, где реально ответственным лицом будет не предприниматель, а одобряющий его решения чиновник и где поэтому в связи с проявлением инициативы и определением ответственности возникнут все те трудности, которые обыкновенно порождает *бюрократия*» (F. A. Hayek, "The Present State of the Debate," *Collectivist Economic Planning*, 237 [Хайек Ф. Экономический расчет при социализме II: состояние дискуссии (1935) // Хайек Ф. Индивидуализм и экономический порядок. С. 173] [Курсив мой. — *Уде С.*]). Здесь можно было бы повторить все те тезисы, позже сформулированные школой общественного выбора в ходе экономического анализа негативных эффектов политического и бюрократического поведения, которые мы уже приводили (глава 3, сноска 26).

ет несколько возможных систем, которые могли бы представлять собой альтернативу частной собственности на средства производства²³. Успехи и удачи менеджеров в прошлом не могут использоваться в качестве критерия, потому что интерес представляет не прошлое, а будущее поведение этих менеджеров. Кроме того, невозможно объективно определить, действует ли менеджер безрассудно в тот момент, когда возникает впечатление, что он несет «убытки», потому что с точки зрения долгосрочной перспективы он может действовать разумно, ожидая, что в будущем «убытки» превратятся в «прибыль». Те же самые трудности возникли бы в случае создания для менеджеров системы бонусов или «денежных стимулов»: распределение бонусов требует предварительного объективного и однозначного знания того, привел ли конкретный план действий к успеху или потерпел неудачу, что невозможно из-за рассеянного и невербализованного характера связанной с этим информации, а также из-за неопределенности всех будущих событий. Кроме того, система «бонусов» привела бы лишь к чересчур оптимистичным и неосторожным поступкам, если не включать в нее «негативных бонусов» на случай ошибок и убытков. Однако введение денежных или иных наказаний в зависимости от серьезности убытков, порождает риск, что предпринимательское поведение станет чрезмерно консервативным. Хайек считает, что не существует такой системы,

²³ Хайек рассматривает различные предложения относительно стимулов или систем мониторинга достижений менеджеров в «социалистической рыночной экономике» как важную теоретическую проблему, так как «здесь с предельной ясностью обнажается вопрос о рациональном обосновании частной собственности — его наиболее общий и фундаментальный аспект» (F. A. Hayek, "The Present State of the Debate," *Collectivist Economic Planning*, 219 [Хайек Ф. Экономический расчет при социализме II: состояние дискуссии (1935) // Хайек Ф. Индивидуализм и экономический порядок. С. 161]). Кажется, что в этой фразе Хайек предвосхищает исследовательскую программу современной экономической теории прав собственности, которая в настоящее время добилась значительных успехов, несмотря на то, что ее ограничивают пороки неоклассического подхода с его представлениями о полноте информации и равновесии. В следующей главе мы завершим наш критический анализ предложений о создании системы бонусов и стимулов, обеспечивающих возможность существования социалистического режима.

которая могла бы воспроизводить или имитировать в социальной системе типичное конкурентное поведение, вытекающее из частной собственности на средства производства²⁴.

Ни одно из приведенных выше возможных решений и ни одно из возражений по их поводу не относится к сути проблемы, которая возникает не только из-за отсутствия стимулов, необходимых, чтобы система работала так, как работают рыночные процессы в капиталистической системе. Действительно, проблема также состоит в *рассеянном характере знания*, который невозможно устранить. На самом деле, если факторы производства находятся в общественной собственности, и сообщество через центральный принуждающий орган присваивает соответствующую прибыль, дивиденды и проценты, ясно, что ни один отдельный субъект не может приобрести ту же самую прибыль, так как это противоречило бы предлагаемой модели социализма и означало бы возврат к капиталистической системе и к частной собственности на средства про-

²⁴ См.: Ф. А. Хайек, "The Present State of the Debate," *Collectivist Economic Planning*, 238 [Хайек Ф. Экономический расчет при социализме II: состояние дискуссии (1935) // Хайек Ф. Индивидуализм и экономический порядок. С. 174]. Тем не менее мы полагаем, что Хайек чрезмерно мягок со своими оппонентами и не можем согласиться с его утверждением: хотя и «неправоммерно говорить, что эти предложения абсолютно невозможны, тем не менее существуют очень серьезные препятствия для достижения поставленной цели и, как представляется, не видно никакого способа их преодолеть». Напротив, по причинам, указанным в тексте, мы считаем, что проблему экономического расчета применительно к системе, где конкуренция расширена до максимально возможного предела, однако средства производства находятся в государственной собственности, решить невозможно. Приведенные выше слова Хайека могут создать впечатление, что такие предложения не являются логически невозможными, а речь идет о практической проблеме поиска стимулов, которые могли бы заменить стимулы, существующие на капиталистическом рынке. Проблема, однако, не в том, чтобы найти подходящие стимулы, а в том, что в отсутствие частной собственности решение проблемы экономического расчета теоретически невозможно, так как действующие субъекты не порождают необходимой для этого информации, а центральный орган, отвечающий за распределение соответствующих ресурсов, не имеет доступа к практической информации, которая позволила бы распределять их не совершенно произвольно.

изводства. Если каждому из экономических агентов насильственно препятствуют в его стремлении к собственной цели или к собственной прибыли, то он никогда не обнаружит большое количество практической информации, которая жизненно необходима для экономического расчета и для координации социальных процессов. Кроме того, даже когда экономический агент обманывает себя и верит в то, что его положение «идентично» тому, каким оно было бы в капиталистическом обществе, и даже когда он считает, что стремится к собственной цели или к собственной выгоде (например, если он не против того, чтобы, получив прибыль, отдать ее сообществу; если ему повезло; и по любой другой причине), очевидно, что, для того чтобы достичь этой цели, реализовав определенный план действий, он должен будет обратиться за ресурсами в центральный плановый орган, который «представляет» сообщество, так как он по определению не имеет собственных ресурсов. Именно этот плановый орган будет в конечном счете решать, предоставлять или нет запрошенные ресурсы; однако, как нам известно, у этого органа нет самой главной практической (неявной и субъективной по самой своей сути) информации, которая *рассеяна* в умах экономических субъектов, и поэтому государственное агентство всегда будет действовать произвольно, а не как координатор. Иными словами, в отсутствие частной собственности на факторы производства (то есть, когда человек не имеет права на плоды или прибыль от собственного творчества, на то, чтобы накопить первичный капитал и черпать оттуда ресурсы, необходимые для осуществления новых действий) возникает вынужденная диспропорция между индивидуальными субъектами, потенциально обладающими рассеянным знанием (мы употребляем слово «потенциально», так как творческого порождения знания не происходит, если людям препятствуют владеть прибылью, которую они сами получили), и центральным плановым бюро. Несмотря ни на какие благие намерения, этот орган в принципе не в состоянии получить доступ к рассеянному знанию, которое потенциально могли бы создать граждане, и, следовательно, он будет вынужден принимать произвольные, а не способствующие координации решения о том, кому он будет предоставлять имеющиеся в его распоряжении ресурсы.

Наконец, нельзя упускать из виду того, что когда Лайонел Роббинс в 1934 г. писал свою книгу «Великая депрес-

сия» (Robbins, *The Great Depression*), он воспользовался этой возможностью, чтобы высказать, за год до Хайека, несколько критических замечаний в адрес «конкурентного социализма». По мнению Роббинса, недостаточно, чтобы менеджеры в социалистической системе пытались «играть» в конкуренцию и «конкурировать» друг с другом при продаже и покупке собственных продуктов, имитируя капиталистическую систему. По его мнению, в основе таких предложений лежит упрощенное представление об экономической системе, как будто это статическая система, в которой цены и другая информация генерируются *ipso facto*, объективным образом, силой потребительского спроса. Роббинс, напротив, подчеркивает, что в реальности вкусы, технологии, ресурсы и знание как таковое находятся в процессе постоянных изменений и поэтому «предприниматель должен иметь право по своей воле изъять свой капитал из отрасли (продать завод или акции) и вложить вырученные средства в другие отрасли. Он должен иметь право по своей воле расформировывать административно-хозяйственные единицы»²⁵. Итак, чтобы могла создаваться информация, необходимая для функционирования рынка, человек должен иметь право продать свою собственность, что абсолютно несовместимо с государственной собственностью на средства производства и централизованным контролем за экономикой, который следует из нее в конечном счете. Таким образом, мы видим, что Роббинс не только приводит доводы против вычислительного, или чисто алгебраического, решения, которые мы обсуждали ранее, но и делает ряд кратких, но близких к истине замечаний об «искусственной конкуренции»²⁶.

²⁵ Lionel Robbins, *The Great Depression* (London: Macmillan, 1934), 154.

²⁶ Дон Лавой (*Rivalry and Central Planning*, 159, note 10) указывает, что, странным образом, в этом коротком анализе Роббинс отклоняется от своей собственной теоретической концепции, согласно которой экономический субъект — это в чистом виде максимизатор. Хотя Лавой склонен считать, что на практике Роббинс был большим австрийцем, чем в восприятии Кирцнера и других авторов, лично мне кажется, что у Роббинса динамическая, австрийская интерпретация рыночных процессов всегда была очень слабой и путаной, так как он был не в состоянии разделить две интерпретации [статическую и динамическую] и тем более не мог

На этом завершается наш анализ первых критических возражений Мизеса, Хайека и Роббинса против так называемого «конкурентного решения», которые были основаны на том, что рассеянный характер знания делает невозможным экономический расчет во всех тех случаях, когда средства производства не находятся в частной собственности. Теперь мы перейдем к подробному анализу «конкурентного решения» по версии Оскара Ланге.

3. Позиция Оскара Ланге: вступительные замечания

Причина, по которой мы подробно изучим позицию польского экономиста Оскара Ланге, связана не только с выдающимся местом этого исследователя в споре об экономическом расчете при социализме, но и с потребностью оценить добросовестность наиболее распространенного описания этого спора в версии вторичных источников — учебников, авторы которых в большинстве случаев по сей день уверены в том, что Оскар Ланге убедительно опроверг теоретические выводы Мизеса и Хайека относительно социализма. Мы увидим, что эта интерпретация, превратившаяся в подлинную мифологию экономической науки, не соответствует действительности²⁷.

И действительно, все больше профессиональных экономистов начинает осознавать, что миф о том, что «Ланге смог опровергнуть Мизеса», совершенно ни на чем не основан.

В научной карьере Оскара Рышарда Ланге (Oskar Ryszard Lange, 1904—1965) с точки зрения его концепции социалистической системы можно выделить четыре четко различающихся этапа. На первом этапе социалистическая модель, которую он отстаивал, находилась под колоссальным влияни-

предотвратить того, что его работы почти всегда воспринимались в духе статической концепции.

²⁷ «Стряпня Ланге заслуживает названия мифа о споре об экономическом расчете при социализме, мифа, который, при пособничестве и подстрекательстве Йозефа Шумпетера, был усвоен практически всеми экономистами, вне зависимости от их идеологической окраски» (Murray N. Rothbard, “The End of Socialism and the Calculation Debate Revisited,” *The Review of Austrian Economics* 5, no. 2 [1991]: 53).

ем модели, разработанной австрийскими марксистами, в частности, Эдуардом Хейманом и Карлом Поланьи, чьи позиции мы уже имели возможность изучить. На втором этапе Ланге создал свою «классическую модель», основанную на неоклассической теории благосостояния, на методе «проб и ошибок» и на введении децентрализованных механизмов «конкуренции» ради того, чтобы найти равновесные решения. Третий этап был весьма противоречивым; в то время Ланге, находившийся под большим впечатлением от критики своей системы Хайеком, на которую он так и не смог ничего ответить, достиг в своих предложениях наиболее высокого уровня «либерализма», хотя ему и не удалось примирить их со своим социалистическим идеалом. Четвертый и последний этап, начавшийся со вступления Ланге в польскую коммунистическую партию и продолжавшийся до его смерти, характеризовался отказом от предыдущих позиций: Ланге закончил похвалами по адресу теории и практики сталинизма, публично отрекся от своих «конкурентных решений» (которые приводили его к неявному отказу от социалистической системы) и предложил ригидную, сталинистского типа систему централизованного планирования, в которой, как он считал, с учетом колоссального темпа развития компьютерных технологий, не было необходимости в конкурентных решениях. Мы подробно рассмотрим каждый из этих этапов.

Модель Ланге — Брейта

Первый текст Оскара Ланге о том, каким образом может функционировать социалистическая система, был написан в 1934 г. совместно с Марекком Брейтом. Это была глава под названием «Дорога к социалистической плановой экономике» в коллективной монографии *Political Economy and Tactics for Socialist Organization*, которая вышла в 1934 г. в Варшаве²⁸. Модель Ланге—Брейта 1934 г. — это практически копия модели «кон-

²⁸ Oskar Lange and Marek Breit, “Droga do Socjalistycznej Gospodarki Planowej” in *Gospodarka-Polityka-Taktyka-Organizacja Socjalizmu*, Warsaw, 1934. Второе издание этой работы вышло в 1973 г.: в 1-м томе «Трудов» [*Dziela*] Оскара Ланге (ed. Polski Wydawnictwo Economiczne, Warsaw, 1973).

курентных» отраслевых монополий, которую пытались развивать Хейман и Поланьи в 1920-е гг. Действительно, Ланге и Брейт представляют себе экономику как множество обладающих высокой степенью автономности «отраслевых трестов», менеджмент которых должен находиться под сильным влиянием представителей профсоюзов. Тресты должны «координировать» центральный банк, который будет не только контролировать их и наблюдать за их деятельностью, но и возьмет на себя снабжение трестов необходимыми финансовыми ресурсами. Каждая из этих отраслевых монополий будет обязана вести тщательный учет и устанавливать цены с учетом себестоимости. Естественно, всеми средствами производства будет владеть государство, а прибыль и дивиденды будут передаваться центробанку. Для Ланге и Брейта было важно в максимальной степени отделить экономические организации от политической власти, а также предотвратить превращение отраслевых трестов в эксплуатирующие потребителя монополии; они считали, что необходимо будет ввести правовую норму, предписывающую отраслевым монополиям предоставлять работу каждому желающему.

Очевидно, что предложения Ланге и Брейта почти полностью совпадают с предложениями, высказанными Хейманом и Поланьи в 1920-е годы, и соответственно, на них распространяются описанные нами ранее критические доводы, которые были сформулированы в основном Мизесом и Хайеком. Хотя мы не будем повторять здесь все доводы против такого типа модели, ее наивность и двусмысленность очевидна, в особенности потому, что она не учитывает того, что отсутствие настоящей конкуренции на межотраслевом уровне делает экономический расчет абсолютно невозможным. То же самое относится к неразрешимой задаче объективного выделения монопольных промышленных секторов таким способом, который не был бы совершенно произвольным. Кроме того, у менеджеров, ответственных за эти сектора, не будет предпринимательской свободы, необходимой для того, чтобы находить и создавать информацию, которая требуется для экономического расчета. Это особенно важно, потому что превращает указание «производить по ценам, которые соответствуют издержкам» в абсолютно нереалистичное требование, так как издержки не являются объективными и в конечном счете представляют собой просто цены, ставшие чем-то неосязаемым в

силу самой этой нормы, которая неизбежно заводит в порочный круг (особенно из-за невозможности рассчитать ту часть издержек, которая связана с амортизацией). Наконец, у центрального банка, отвечающего за предоставление средств компаниям и отраслям, будет — в связи с неразрешимой проблемой рассеянного и субъективного характера знания — отсутствовать информация, необходимая для того, чтобы выполнять свои обязанности не чисто произвольным образом, а так, чтобы способствовать координации.

Итак, Ланге и Брейт не учли ни одного из критических возражений Мизеса на модели «конкурентных» монополий Хеймана и Поланьи, которые он высказал за 10 лет до этого, и не ответили ни на одно из них. Ланге и Брейт, скорее всего, не читали работ Мизеса, опубликованных им в 1920—1928 гг.; вследствие этого они не осознавали массы проблем, связанных с их предложениями — в силу идеологической слепоты, а также оттого, что недостаточно тщательно продумали свою позицию. Не исключено также, что они просто предпочли не заметить возражений Мизеса и не стали упоминать о них по идеологическим или политическим причинам.

4. Оскар Ланге и его классическая модель «рыночного социализма»

Вслед за Тадеушем Коваликом²⁹ второй этап научного пути Ланге мы будем называть этапом его *классической* модели «рыночного социализма». Этот этап начался с того, что в октябре 1936 и в феврале 1937 г. он опубликовал статью в двух частях под названием «Об экономической теории социализма». В 1938 г. эта статья была переиздана в сборнике под тем же названием, где также была опубликована статья Фреда Тейлора о социализме. Предисловие к сборнику написал Бенджамин Липпинкот³⁰. Получив стипендию от Фонда Рокфеллера,

²⁹ См.: Tadeusz Kowalik, "Oskar Ryszard Lange," in *The New Palgrave: A Dictionary of Economics*, 3: 126.

³⁰ Часть первая статьи "On the Economic Theory of Socialism" была опубликована в: *Review of Economic Studies* 4, no. 1 (October 1936): 53—71. Часть 2 также была опубликована в: *Review of Economic Studies* 4, no. 2 (February 1937): 123—142. Обе части

Ланге продолжил свое образование в Лондонской школе экономики, в Чикаго, Беркли и особенно в Гарварде, где провел два года, находясь под сильным влиянием Шумпетера, с которым он в это время интенсивно общался. Кроме того, Ланге общался и работал с социалистическими экономистами, братьями Аланом и Полом Суизи, а также с Василием Леонтьевым. Продуктом этой «интеллектуальной атмосферы» и стала статья «Об экономической теории социализма», в которой Ланге стремился выразить свое убеждение в том, что неоклассическая теория равновесия и, в особенности, «экономика благосостояния» предоставляет наиболее фундаментальное теоретическое основание для социалистической системы. Ланге также желал, исходя из этой идеи, опровергнуть мизесово доказательство теоретической и практической невозможности рационального экономического расчета в социалистической системе. Посмотрим, как Ланге развивал свои аргументы и удалось ли ему действительно опровергнуть Мизеса.

Рыночные цены versus «параметрические цены»

Заветная мечта Ланге состояла в том, чтобы можно было имитировать конечное состояние, к которому стремятся рыночный процесс и конкурентная экономика, но без капиталистического рынка, то есть без частной собственности на средства производства и свободы предпринимательства. Эта надежда была основана на вере в то, что возможно составить список «параметрических цен», которые, хотя и не будут определяться на свободном рынке, смогут обеспечить рациональный экономический расчет, так как будут содержать необходимую для этого информацию и тем самым дадут возможность различным экономическим субъектам в обществе действовать согласованно. Мы увидим, что концепция Ланге основана на ошибочном понимании того, как работают рыночные процессы (точнее, на его полном игнорировании этих процессов, поскольку Ланге обращается исключительно к неоклассиче-

опубликованы в: *On the Economic Theory of Socialism*, ed. with an introduction by Benjamin M. Lippincott (Minneapolis: University of Minnesota Press, 1938); переиздано New York: McGraw Hill, 1964, 55–143.

ской парадигме равновесия, к экономической теории благосостояния и к модели «совершенной конкуренции»). Кроме того, у нас будет возможность найти подтверждение тому, что предложенная им процедура никоим образом не решает проблему координации и рационального экономического расчета в социалистической экономике — в полном соответствии с тем, что открыл и обосновал Мизес за 15 лет до статьи Ланге.

Под «параметрическими ценами» следует понимать условия предложения разных благ и услуг, стимулирующие чисто пассивную либо приспособительную реакцию экономических субъектов. На самом деле, Оскар Ланге считает, что основная функция цен — параметрическая, иными словами, что каждый экономический субъект «индивидуально воспринимает реальные цены как данность, к которой он должен приспособиться»³¹. Соответственно, параметрические цены представляют собой своего рода пропорции, или абстрактные «условия торговли», к которым в принципе можно прийти посредством какой-либо процедуры, произвольной или рациональной. Кроме того, параметрические цены позволяют вести «отчетность», пусть и чрезвычайно упрощенную с формальной или инструментальной точки зрения. Однако, с точки зрения логики, сами по себе параметрические цены не обеспечивают возможности «рационального» экономического расчета, то есть расчета, который координирует поведение различных экономических субъектов. Это будет возможно только в том случае, если эти цены будут содержать информацию или знание, необходимые для обеспечения координации и экономического расчета.

Фундаментальное доказательство Мизеса не имеет ничего общего с этим «параметрическим» понятием цен; оно основано на понятии *рыночных цен*, то есть цен, установленных в процессе свободного предпринимательства, в отсутствие которого информация, необходимая для того, чтобы обеспечивать координацию поведения экономических субъектов, и дающая им возможность использовать рациональный экономический расчет, не порождается. Напротив, Ланге считает, что рыночные цены по Мизесу не являются необходимыми для экономического расчета, и рациональный расчет был бы возможен и при использовании параметрических цен, которые не устанав-

³¹ Oskar Lange, *On the Economic Theory of Socialism*, 2nd ed., 70.

ливаются на конкурентном рынке в условиях частной собственности на средства производства и свободного предпринимательства. Иначе говоря, он полагает, что необходимая для расчета информация была бы доступна и этот расчет позволил бы обеспечить координацию поведения различных действующих субъектов. Рассмотрим же по очереди каждый из пунктов рассуждений Ланге.

Первый пункт Ланге

Оскар Ланге начинает свои теоретические возражения против Мизеса так: «Тезис профессора Мизеса о том, что социалистическая экономика не в состоянии решить проблему рационального размещения ресурсов, основан на путанице в вопросе природы цен. Как отметил Уикстид, у термина “цена” есть два значения. Он может означать либо цену в обычном смысле, то есть пропорцию обмена двух товаров на рынке, либо может иметь обобщенное значение “условий, на которых предлагаются различные варианты”. Уикстид пишет: “Таким образом, цена в более узком значении ‘денег, за которые можно получить некий материальный предмет, услугу или привилегию’ — это просто частный случай ‘цены’ в широком значении: условий, на которых нам предлагаются разные варианты” [P. H. Wicksteed, *The Common Sense of Political Economy*, 2nd ed. (London, 1933), 28]. Для решения проблемы размещения ресурсов необходимы лишь цены в обобщенном значении»³².

Посмотрим внимательно на этот текст. Для начала: когда Уикстид говорит, что для его конкретных целей, в основном связанных с анализом равновесия, имеет смысл употреблять термин «цена» в широком смысле, то есть в значении «пропорции или условия, на которых предлагаются разные варианты», это совершенно не означает, что он считает, будто бы такие параметрические «цены» могли адекватно заменить рыночные цены там, где их нет, или там, где они неизвестны. Напротив, будучи действующими людьми, мы постоянно вынуждены принимать решения и оценивать разные варианты, и, с точки зрения Мизеса, мы не в состоянии принимать эти решения рационально, не учитывая «истинные цены

³² Oskar Lange, *On the Economic Theory of Socialism*, 59—60.

рынка», которые содержат необходимую для нас информацию. Утверждать, что обоснование Мизесом невозможности экономического расчета при социализме ошибочно, потому что его концепция цены («рыночная цена») слишком узка или ограничена — это то же самое, что утверждать, что поднятая Мизесом проблема связана просто с невозможностью производить какие бы то ни было «вычисления» или «алгебраические расчеты» в силу отсутствия соответствующей системы отчетности, вне зависимости от реального содержания используемых в ней данных, а не с невозможностью производить обеспечивающий координацию рациональный экономический расчет в отсутствие цен, которые содержат необходимую для него информацию, как это было на самом деле. Как писал Хайек, заявление Ланге о том, что Мизес ошибается, когда зачем-то ставит экономический расчет в зависимости от «рыночных цен» в строгом и узком значении этого термина, в то время, как любая система параметрических цен дает возможность для осуществления расчетов, настолько наивно, что кажется «непростительным обманом, на который исследователь, не находящийся в плену собственных политических предрассудков, был бы неспособен»³³.

³³ «То, что “предлагаемые нам варианты” в большинстве случаев известны нам только в виде денежных цен, является главным доводом Мизеса. Обратить этот довод против него — непростительный обман, на который исследователь, не находящийся в плену собственных политических предрассудков, был бы неспособен» (Hayek, “Two Pages of Fiction: The Impossibility of Socialist Calculation” in *The Essence of Hayek*, 58). Эта статья очень важна в контексте нашей критики Ланге в этом разделе, и мы будем неоднократно обращаться к ней. Кстати, Артур Селдон пишет о том, как она появилась на свет. Он объясняет, что в 1982 г. Хайек послал ему текст статьи вместе с письмом, в котором он, в частности, заметил, что его «чрезвычайно возмущают постоянные идиотские упоминания о том, что Оскар Ланге якобы опроверг Мизеса». Первоначально статья была опубликована в журнале *Economic Affairs* (April 1982). Загадочные «Две страницы выдумок» (“Two Pages of Fiction”) — это страницы 60 и 62 статьи Ланге, опубликованной в обсуждаемой нами книге под редакцией Липпикота. Эти две страницы многократно (некритически) использовались в качестве обоснования мифа о том, что Ланге якобы опроверг Мизеса. См.: “Recollections” in Hayek, *Serfdom*”

Следовательно, главное — это установить, могут ли параметрические цены, которые не являются рыночными ценами, содержать необходимую информацию для того, чтобы обеспечивать рациональный расчет и координацию рассогласованных поступков действующих в социуме субъектов; как мы увидим, Оскар Ланге не смог найти удовлетворительного решения этой задачи.

Кэрен Вон отметила, что в этом пассаже Оскар Ланге продемонстрировал полное непонимание того, что писал Уикстид о ценах³⁴. Действительно, с точки зрения Уикстида, любой, кто желает принять экономическое решение, столкнется с принципиально субъективной по своему характеру проблемой оценки альтернативных издержек, связанных с действием, которое он намерен совершить. Таким образом, когда человек, к примеру, собирается совершить покупку, разумеется, он в том числе выясняет цену на данный товар, то есть пропорцию, в которой он обменивается на деньги на рынке. Человек субъективно оценивает «условия, на которых ему предлагаются различные варианты», и эти условия включают не только условия торговли, обозначенные ценой, но и все остальные субъективные факторы, которые он обдумывает, когда принимает свое решение, одни — в большей, другие — в меньшей. Следовательно (как мы вполне оправданно ожидали от Уикстида, одного из наиболее выдающихся представителей субъективной теории), невозможно отличить параметрическую функцию цены от ее непараметрических функций, поскольку два аспекта неразоторжимо соединены в понятии «рыночной цены» и люди всегда оценивают их одновременно — и субъективно³⁵.

Revisited (Institute of Economic Affairs, Hobart Paperback no. 18, 1984), 26, 27.

³⁴ См.: Wicksteed, *Common Sense of Political Economy* (London: Routledge and Kegan Paul, 1933), 28.

³⁵ Вероятно, имеет смысл процитировать здесь то, что пишет по этому поводу Кэрен Вон: «Поучительно то, что Ланге решил процитировать в начале своей статьи слова Уикстида о значении термина «цена»; главным образом потому, что демонстрирует полное непонимание Ланге как раз того, что пытался показать Уикстид. В книге *Common Sense of Political Economy* (London: Routledge and Kegan Paul, 1933) Уикстид описал субъективный по своей сути характер альтернативных издержек, с которым сталкивается любой, кто пытается принять рациональное эко-

Второй пункт Ланге

Перейдем к тому, как Ланге объясняет, каким образом при социалистической системе менеджеры отраслей и центральный плановый орган могли бы узнать цены в «обобщенном» смысле (параметрические цены) и каким образом такие цены

номическое решение. Это означает, что когда человек обдумывает покупку, то цена для него представляет рыночную меновую ценность, однако «условия, на которых предлагаются различные варианты», включают не только рыночную цену, но и все субъективные элементы, которые должны учитываться при выборе, то есть *субъективную ценность всех тех вариантов, от которых он отказывается* [р. 28]. Разумеется, это не имеет ничего общего с различием, которое пытался провести Ланге между рыночными ценами и ценами при централизованном планировании. Цены, которые устанавливал бы плановый орган у Ланге, вовсе не были бы ценами в более широком смысле, они играли бы в субъективных расчетах индивида точно такую же роль, которую обычно играют рыночные цены. Люди все равно должны были бы лично оценивать все доступные им варианты, все «условия, на которых им предлагаются различные варианты», но место рыночной цены занимала бы административная цена. *Таким образом, реальную проблему — как заставить административно установленные цены соответствовать реально существующей относительной редкости доступных для обмена товаров — нельзя решить магическими заклинаниями.* Ланге должен был доказать, что рекомендованное им нащупывание может дать на выходе меру относительной редкости, подобно обменам на рынке. *Это у него не получилось»* (Karen I. Vaughn, “Introduction” to Trygve J. В. Hoff, *Economic Calculation in the Socialist Society*, xxii—xxiii). Вероятно, главным недостатком блестящего в других отношениях текста Вон является то, что она даже не упоминает об аргументации Мизеса, изложенной в «Человеческой деятельности»; в другом месте она неверно и несправедливо оценивает эту книгу, когда пишет, что «так называемое окончательное опровержение, которое Мизес изложил в «Человеческой деятельности», в основном представляет собой полемику и смазывает реальные проблемы» (Karen I. Vaughn, “Critical Discussion of the Four Papers,” in *The Economics of Ludwig von Mises: A Critical Reappraisal* [Kansas City: Sheed and Ward, 1976], 107). Наконец, см. также: Karen I. Vaughn, “Economic Calculation under Socialism: the Austrian Contribution,” *Economic Inquiry* 18 (October 1980): 535—554, переиздано в: *Austrian Economics*, ed. Stephen Littlechild [London: Edward Elgar, 1990], 3: 332—351).

смогли бы успешно заменить существующие при капитализме денежные цены рынка. Он пишет: «Экономическая проблема — это проблема выбора из доступных вариантов. Чтобы решить ее, необходимы следующие *данные*: 1) шкала предпочтений, в соответствии с которой происходит выбор; 2) *знание* «условий, на которых предлагаются разные варианты»; 3) *знание* о количестве доступных ресурсов. Если эти *данные* (*data*) *даны* (*given*), проблема выбора решаема» [курсив мой. — У. де С.]³⁶.

Для начала следует заметить, что последняя фраза Ланге содержит откровенный плеоназм. Как известно любому относительно образованному человеку, английское слово «data» происходит от латинского *datum* — *data*, которое относится как раз к той информации, которая «дана» (*given*). «Даны» — это, в свою очередь, причастие прошедшего времени глагола «давать» (*give*). Итак, в этом предложении Ланге утверждает буквально, что если информация, которая дана, дана, то проблема выбора решаема. Хайек отмечает, что не характерные для научного текста выражения (такие, как «данные данные», *given data*) или «семантическая избыточность» (в более мягкой формулировке Дона Лавоя), постоянно появляются в текстах Ланге. Такие выражения вообще неотразимо привлекательны для экономистов, использующих математические методы, особенно для тех, кто работает в рамках модели равновесия в русле неоклассической парадигмы Вальраса; подобные обороты (по крайней мере семантически) приносят им некое утешение, создавая у них иллюзию, будто бы они знают что-то, чего на самом деле не знают и знать не могут³⁷. В действительности путаница, возникающая в связи с этим плеоназмом, лежит в основе всего хваленого «опровержения» Оскаром Ланге аргументов Мизеса, относящихся к невозможности экономического расчета в социалистической экономике. Действительно, для Мизеса главная экономическая проблема состоит в том, как получить необходимую информацию в отсутствие рынка, рыночных цен и свободы предпринимательства. Однако, если мы заранее предполагаем, что эта информация «дана», то из этого логически вытекает, что никакой проблемы экономического расчета

³⁶ Oskar Lange, *On the Economic Theory of Socialism*, 60.

³⁷ *The Essence of Hayek*, 54.

не существует, потому что с самого начала считается, что она уже решена. Так, в последней фразе данного отрывка Ланге в конце концов сообщает: «Если предположить, что проблема экономического расчета решена заранее, то проблема экономического расчета является решенной».

Ланге развивает упомянутый выше плеоназм в первом предложении следующего за обсуждаемым абзаца таким образом: «Очевидно, что в социалистической экономике *данные, относящиеся к пунктам 1) и 3), могут быть даны* по крайней мере в той же степени, в которой они даны в рыночной экономике»³⁸.

Хочется задать вопрос: почему? Вопреки тому, что, не приводя никаких доказательств, утверждает Ланге, совершенно неочевидно, что в социалистической экономике информация (любая, а не только относящаяся к пунктам (1) и (3)) может быть «дана» (или, скорее «известна», поскольку, на наш взгляд, Ланге имеет в виду именно это) таким же образом и в той же степени, как она «дана» (или, скорее, «создается», «обнаруживается») в рыночной экономике. Главный вопрос таков: кто, с чьей помощью и каким образом приобретает эту информацию? Ведь, как мы подробно объяснили в главе 2, информация отнюдь не «дана». Совсем наоборот: ее постоянно создают, обнаруживают и замечают тысячи экономических субъектов, которые, взаимодействуя друг с другом, осуществляют предпринимательство в контексте рынка (включая права собственности на факторы производства). Недопустимо предполагать с самого начала, как это делает Ланге, что процесс, с помощью которого непрерывно создается новая информация, может имитироваться или воспроизводиться в социалистической системе, где по определению уничтожена свобода предпринимательства и права собственности. Кроме того, если в таких обстоятельствах даже сами действующие субъекты не в состоянии создавать или находить эту информацию, то вряд ли можно ожидать, что ее сможет получить центральное бюро планирования. Нельзя считать, что информация «дана» на уровне центра, не только из-за ее субъективного, практического, рассеянного и невербализованного характера, но и потому, что она не порождается даже на уровне отдельных действующих субъектов, если они

³⁸ Oskar Lange, *On the Economic Theory of Socialism*, 60.

не могут свободно заниматься предпринимательством. У нас нет нужды подробно развивать эти рассуждения, так как мы уже неоднократно объясняли это во всех подробностях с разных точек зрения.

Третий пункт Ланге

Ланге продолжает следующим образом: «Данные, относящиеся к пункту 9, могут быть *даны* на основании учета запросов индивидов, или же могут бы установлены органом, администрирующим экономическую систему. Остается под вопросом, доступны ли администраторам социалистической экономики данные, относящиеся к пункту 2. Профессор Мизес это отрицает. Однако, тщательное изучение *теории цены и теории производства* убеждает нас в том, что, поскольку данные, относящиеся к пунктам (1) и (3), *даны*, «условия, на которых предлагаются разные варианты», в конечном счете определяются техническими возможностями трансформации одного товара в другой, то есть производственными функциями»³⁹.

В этом отрывке больше всего привлекает внимание ссылка (которую мы выделили курсивом) на «теорию цены» и «теорию производства», «тщательное» изучение которых приводит Ланге к заявлению о том, что если необходимая информация (относящаяся к пунктам 1 и 2) дана, то проблемы экономического расчета не существует, потому что условия, на которых предлагаются или обмениваются разные варианты, будут даны в технических возможностях трансформации, которые содержатся в соответствующих производственных функциях. То, что Ланге открыто возводит свой тезис к неоклассической «теории цены» Вальраса и «теории производства», не просто раскрывает «научный империализм» этой парадигмы (то, что она игнорирует другую теорию цены, ту, которая не строится на нелепом предположении, будто бы вся необходимая информация дана заранее) — это демонстрирует колоссальные опасности и существенные несовершенства методологии, основанной на чрезмерном использовании математики и анализа равновесия, а также на предположении, что фундаментальная задача экономической науки состоит в том, чтобы максимизировать дан-

³⁹ Oskar Lange, *On the Economic Theory of Socialism*, 60—61.

ные функции применительно к данным ограничениям. Дело не просто в том, что, как отмечает Мизес, «экономическая теория равновесия» представляет собой бессмысленную интеллектуальную игру, но также в том (и это гораздо серьезнее), что она наносит ущерб даже самым блестящим научным умам, заставляя их исходить из нереальных допущений и неизбежно приводя к ошибочным выводам, причем наносит этот ущерб так, что он остается незаметным для всех, за исключением наиболее проницательных и глубоких теоретиков. Экономическая теория равновесия и неоклассическая модель Вальраса — это «опиум экономиста»; они отрывают его от реальности, которую он должен исследовать, наполняют его ощущением полнейшего самодовольства и прививают ему специфический иммунитет, не позволяющий увидеть своих ошибок. Ланге попытался показать, что наиболее важным из возможных теоретических оснований социалистической системы является экономическая теория благосостояния, разработанная в рамках неоклассической парадигмы Вальраса. То, что большинство теоретиков равновесия согласны, что эту аналитическую модель можно применять как к капиталистической, так и к социалистической системе, а также использовать для обоснования возможности экономического расчета в социалистической системе, по нашему мнению, лишает неоклассическую теорию цены всякой научной убедительности. Один из самых важных тезисов этой книги как раз и состоит в том, что содержащийся в ней теоретико-критический анализ социализма, который в странах Восточной Европы воплотился на практике в конкретных исторически значимых событиях, и с теоретической, и с практической точки зрения означает крах и полную потерю авторитета и социализма в качестве экономической и социальной системы, и неоклассической экономической теории в качестве серьезной и заслуживающей внимания научной парадигмы.

Кроме того, неудивительно, что Ланге и большинство представителей неоклассической экономической теории не в состоянии понять, как Мизес может утверждать, что экономический расчет в социалистической экономике «теоретически невозможен». Это происходит потому, что для этих исследователей «теория» означает исключительно их собственную теорию, и, как мы видели, они строят ее на допущениях, которые изначально устраняют всякую потребность в экономическом расчете. Это означает, что с точки зрения неоклассической теории,

экономический расчет при социализме теоретически возможен по определению. Эти люди не могут представить себе никакой иной теории, кроме той, которую они сами построили на концепциях равновесия и максимизации. В частности, они совершенно игнорируют парадигму, созданную представителями австрийской школы, в особенности Мизесом и Хайеком, которая изначально основана на *теоретическом* изучении реально возникающих в обществе институтов и рыночных процессов, приводящихся в движение предпринимательством. В пределах австрийской парадигмы информация никогда не считается «данной», так как она постоянно порождается в конкретном институциональном контексте, обеспечивающем координацию рассогласованных поступков разных людей⁴⁰.

⁴⁰ Итак, неоклассики не понимают, что экономический расчет зависит от существования конкретных, связанных друг с другом исторически институтов (таких как деньги, рынок и свобода обмена), от исторических категорий, которые «являются отличительной чертой определенного способа экономической организации общества, которого не существовало в первобытной цивилизации и который, возможно, исчезнет в ходе будущих исторических изменений» (*Human Action*, 201, основной текст и сноска 1 [Мизес. Человеческая деятельность. С. 191]). Далее Мизес добавляет, что «немецкая историческая школа выразила это утверждением, что частная собственность на средства производства, рыночный обмен и деньги являются историческими категориями». Поэтому становится совершенно ясно, что в идеях Мизеса нет того разительного противоречия, которое приписывает им Ланге просто потому, что видит в Мизесе «институционалиста», в то же самое время отстаивающего универсальный характер экономической теории. Ланге не может понять, почему австрийская школа со времени ее основания Карлом Менгером сосредоточила свои исследовательские интересы на *теоретическом* (общем, абстрактном и не зависящем от исторических обстоятельств) *анализе институтов* (моделей поведения и человеческой деятельности, таких, как деньги, рынок, право и т.п.) и процессов, происходящих в обществе. В самом деле, Менгер посвятил свои *Grundsätze* Рощеру, потому что считал, что субъективизм Рощера и его работы об эволюционном происхождении институтов представляли собой необходимый первоначальный теоретический фундамент для школы историцизма (Савиньи, Бёрк), в отличие от картезианского рационализма, который начинал завоевывать всю сферу научной мысли. Теоретические очки неоклассиков подобраны настолько плохо, что они мешают Ланге различить даже наиболее

Как отмечал в связи с этим Дон Лавой, в силу того, что неоклассические теоретики в своих моделях рыночной экономики подразумевают, что экономическим субъектам доступна вся необходимая информация и что в определенных статических условиях рынок достигает специфического равновесия, эти теоретики почти неизбежно, и практически не осознавая этого, в конце концов делают шагжок, позволяющий им подразумевать то же самое относительно социалистической модели и соответственно делать выводы о возможности достижения некоего равновесия в социалистической системе⁴¹. Кирцнер добавляет к этому, что Ланге не уловил суть критики Мизесом социализма потому, что знания Ланге в области экономической теории в целом ограничивались неоклассической теорией цены и, в частности, моделью «совершенной конкуренции». В этой модели, которую даже сегодня большинство базовых пособий представляют в качестве одного из наиболее важ-

яркие черты научной среды, в которой он живет, воспринимая ее в искаженном черно-белом изображении (см. сноску на с. 6 *On the Economic Theory of Socialism*). Любопытно отметить, что книга Ричарда Ланглуа «Экономическая теория как процесс» (Richard N. Langlois, *Economics as a Process* [New York: Cambridge University Press, 1986]), которая явно написана под «австрийским» влиянием, имеет подзаголовок «Эссе о новой институциональной экономической теории» (“Essays in the New Institutional Economics”) и явно представляет собой, как и работы Мизеса, исследование по экономической (а не «институционалистской» и не исторической) теории институтов. Несмотря на Ланге, экономическая теория социальных процессов и институтов и «институционализм» — это разные вещи. Также большой интерес представляет статья: Peter J. Boettke, “Evolution and Economics: Austrians as Institutionalists” in *Research in the History of Economic Thought and Methodology*, no. 6 (1988). Наконец, следует вспомнить сноску 2 к главе 5, в особенности, критические замечания Марка Блауга о неоклассической парадигме Вальраса и переход Блауга на позиции австрийской школы.

⁴¹ «Участовавшие в споре неоклассики по умолчанию подразумевают, что существенное знание дано участникам рынка, и главным аналитическим выводом из этого является то, что при некоторых статических допущениях капиталистическое равновесие определимо. Требуется небольшой шагжок, чтобы от этого анализа перейти к похожим допущениям и похожим выводам относительно социализма» (Don Lavoie, *Rivalry and Central Planning*, 115).

ных инструментов «постижения» реально существующей экономической системы, полностью элиминирована роль предпринимательства в открытии и использовании возможностей извлечения прибыли в ходе динамического процесса постоянных изменений, который обеспечивает координацию в экономике. Поскольку доказательство Мизеса основано на концепции предпринимательства, которая полностью отсутствует в неоклассической парадигме, неудивительно, что Ланге, не располагавший ни одним из необходимых для его целей аналитических инструментов, в конце концов поверил, что рынок ведет себя точно так, как говорится в учебниках, и, следовательно, в социалистической экономике можно симитировать модель равновесия, которая представлена в этих учебниках с таким изяществом⁴².

Как мы уже продемонстрировали, несмотря на то, что Ланге не видит препятствий для сбора информации, относящейся к пунктам 1 и 3, это теоретически невозможно сделать в отсутствие свободного предпринимательства, потому что в этом случае соответствующая информация не будет ни заме-

⁴² Кирцнер пишет: «То, что Ланге не понимал этой непараметрической функции цен, безусловно, следует отнести на счет его восприятия рыночных систем и их функционирования в первую очередь в контексте *совершенно конкурентного равновесия*. (Действительно, Ланге прямо говорит о том, что именно этот взятый из учебников подход к теории цены послужил ему моделью для социалистического ценообразования.) В пределах этой парадигмы целиком и полностью игнорируется роль предпринимательской погони за чистой прибылью, которая является ключевой причиной приспособления цен. Нетрудно понять, каким образом Ланге мог сделать вывод о том, что такую систему (без предпринимательства) возможно имитировать при социализме» (Kirzner, *Discovery and the Capitalist Process*, 128–129). Об экономической теории рыночных процессов, в центре которой находится концепция предпринимательства (а также совершенно не связанной с неоклассической парадигмой Вальраса и чрезвычайно критически настроенной по отношению к ней), см. не только работы Мизеса и Хайека, на которые мы здесь ссылаемся, но и, в особенности, все работы Кирцнера, а также остальных представителей австрийской школы. В качестве примера критического анализа концепции равновесия, принадлежащего перу авторитетного экономиста из стран бывшего восточного блока, см.: János Kornai, *Anti-Equilibrium: On Economic Systems Theory and the Task of Research* (Amsterdam: North Holland, 1971).

чаться, ни порождаться (кроме того, неявный и субъективный характер этой информации не позволит передать ее центральным властям). По мнению Ланге, проблему составляет информация по пункту 2, то есть условия торговли и производственные функции; тем не менее он немедленно заявляет, что эту проблему можно «решить» очень просто, при условии, что информация по пунктам 1 и 3 дана (что, повторимся, невозможно в принципе). С «необыкновенной» легкостью Ланге «решает» эту проблему одним росчерком пера, просто заявляя — не приводя ни доказательств, ни резонов — что «администратор социалистической экономики будет обладать в точности тем же самым знанием или незнанием в отношении производственных функций, что и капиталистические предприниматели»⁴³.

Это догматическое (то есть не подкрепленное никакими теоретическими и эмпирическими доказательствами или доводами) заявление — главное, на чем основано «опровержение» Мизеса Оскаром Ланге. Как нам известно, рассуждения Мизеса демонстрируют, что информацию, которая порождается в ходе свободного предпринимательства, невозможно воспроизвести в системе, где предпринимательство отсутствует, и что, соответственно, теоретически невозможно, чтобы «администратор социалистической экономики» владел «в точности» той же информацией, которая доступна предпринимателям в капиталистической экономике. Нам известно, что информация субъективна и динамична, она непрерывно создается по мере того, как те, кто в состоянии использовать возможности для извлечения прибыли благодаря предпринимательству, замечают эти возможности. Поскольку с уничтожением частной собственности на средства производства предпринимательство по определению исчезает, и в результате люди теряют возможность свободно выбирать свои цели и стремиться к их достижению, то эти цели перестают функционировать как стимулы и информация, необходимая для их достижения, больше не создается. Следовательно, по определению во всех тех случаях, когда свободного предпринимательства не существует, нельзя исходить из того, что информация, возникающая исключительно в ходе процесса, мотором которого является предпринимательство, вообще будет порождаться. Поэтому неудиви-

⁴³ Oskar Lange, *On the Economic Theory of Socialism*, 61.

тельно, что в 1982 г. Хайек писал о поразительном заявлении Ланге следующее: «Это *бесстыдное* утверждение — главное, на чем строится опровержение Оскаром Ланге доказательства Мизеса, и при этом он не приводит никаких доказательств и никаких доводов в его пользу, даже применительно к ограниченной области производственных функций. Однако ученики Ланге расширили его до *еще более фантастического утверждения* о том, что центральный плановый совет “будет получать от социалистической экономической системы в точности ту же самую информацию, что получали предприниматели в рыночной системе”. (Так пишет Роберт Хейлбронер: Robert L. Heilbroner, *Between Capitalism and Socialism*, New York 1980, p. 88) ...Боюсь, это откровенная неправда; это утверждение настолько нелепо, что трудно понять, как его может выдвинуть честный человек. В нем провозглашается нечто абсолютно невозможное, такое, что могло бы произойти исключительно чудом»⁴⁴.

Кроме того, следует иметь в виду, что так называемых «производственных функций» в реальности не существует. В реальной жизни имеется поток новой, непрерывно порождаемой информации о различных возможностях сочетания производственных факторов, которые дают в итоге конкретное благо или услугу. Экономические агенты, участвующие в производстве, постепенно обнаруживают эту информацию по мере

⁴⁴ F. A. Hayek, “Two Pages of Fiction: The Impossibility of Socialist Calculation,” in *The Essence of Hayek*, 55, 56. Ссылка на Хейлбронера была необходима; ведь когда он сообщает, что информация будет доступна не только менеджерам компаний, как утверждает Ланге, но и центральному бюро планирования, он доходит, если можно так сказать, до еще большей логической невероятности. К невероятности того, что менеджеры, не являясь предпринимателями, смогут порождать предпринимательскую информацию, он добавляет еще более серьезную проблему передачи и централизованного усвоения бесконечного объема субъективной, неявной, невербализованной и рассеянной информации, которая постоянно изменяется. В пользу Хейлбронера, однако, говорит его отказ от своей позиции и признание триумфа капитализма над социализмом (см. сноску 3 к этой главе), хотя мы не знаем, рассматривает ли он этот триумф как неожиданное эмпирическое событие, не имеющее теоретического объяснения, или же он начал осознавать грубые ошибки, которые совершал на протяжении всей своей интеллектуальной жизни.

того, как они проявляют предпринимательство и экспериментируют с различными идеями. Эти действующие субъекты все время замечают то, что они считают новыми прибыльными возможностями, и это заставляет их не только модифицировать товары и услуги (как в отношении цены и качества, так и в отношении того, как они выглядят и для чего служат), но и внедрять коммерческие и технологические инновации. То же самое, только еще сложнее, происходит со средствами производства, применительно к которым постоянное открытие небольших, не замечавшихся ранее изменений приносит большие прибыли. Вряд ли гипотетические «производственные функции» можно считать существующими, если информация, необходимая для их описания, не существует. Это означает, что экономические агенты, участвующие в процессе производства, не обладают этой информацией (как и любые плановые органы, а тем более эксперты и экономисты, в том числе специалисты по теории производства), за исключением случаев, когда они постепенно создают ее неявным, субъективным и *нецентрализованным* образом. Проблема производства не является технической проблемой функций, которую можно решить объективно. Наоборот, это чисто предпринимательская и человеческая проблема: предприниматели постоянно испытывают новые, чрезвычайно разнообразные сочетания и варианты в контексте различных действий, что в условиях рыночной экономики, с учетом ожидаемых рыночных цен и огромного разнообразия иной субъективной информации, оказывающей влияние на действующего субъекта, непрерывно заставляет его *замечать* возможности для получения субъективной (то есть, при прочих равных, денежной) прибыли, которые он считает достойными осуществления.

Ланге не видит фундаментального различия между двумя радикально отличающимися друг от друга типами знания: «научным» и «практическим». Он до такой степени смешивает «практическое знание», которым обладают в рассеянной форме действующие в обществе экономические агенты, непрерывно его порождающие, с «научным знанием», которое, по мнению экономистов, позволяет им строить теории социальных процессов, что в результате у него формируется наивная убежденность в том, что в реальной жизни и экономист, и плановый орган способны легко получить это «практическое знание». Однако по своей природе эти два типа зна-

ния («практическое» и «научное») принципиально различны. Ведь даже тогда, когда «научное знание» трансформируется в теорию «практического знания», как это происходит в экономической науке, речь идет в лучшем случае о *формальной* теории процессов, с помощью которых знание создается и передается. Кроме того, эта теория обязательно должна учитывать, что теоретические рассуждения о «практическом знании» никоим образом не позволяют внешнему наблюдателю — будь он хоть экономист, хоть плановый орган — преодолеть теоретическую недоступность конкретной практической информации. Именно по этой причине (в силу того, что теоретику в принципе недоступно «материальное» содержание практического знания, о котором он теоретизирует, а также из-за его неспособности различать «практическое» и «научное» знание) экономический расчет при социализме невозможен, а «экономическая теория», разработанная в рамках неоклассической парадигмы, имеет очень мало отношения к реальности.

Четвертый пункт Ланге

Ланге переносит путаницу в двух типах знания на две связанных с ними концепции цены. Действительно, к «практическому знанию» относятся рыночные цены, которые содержат существенную часть этого знания, а также непрерывно создаются и модифицируются энергией предпринимательства. К области «научного знания» (точнее, исключительно к убогой, ограниченной и узкой научной версии равновесия) можно бы отнести «параметрические цены»; если исходить из предположения, что вся существенная информация дана, эти «цены» отражают условия, на которых предлагаются разные варианты, а также требуют, чтобы каждый человек пассивно подчинял им собственное поведение. Самая большая ошибка Ланге связана с его верой в то, что параметрические цены могут включать информацию, которую содержат цены рынка. При этом Ланге с невероятной наглостью обвиняет Мизеса в ошибке, которую совершает сам: «Профессор Мизес, вероятно, спутал цены в узком смысле, то есть пропорции обмена товаров на рынке, с ценами в более широком значении “условий, на которых предлагаются разные варианты”». Поскольку, в силу государ-

ственной собственности на средства производства, в социалистической экономике нет рынка, на котором обмениваются капитальные блага, там, разумеется, нет и цен на капитальные блага в смысле пропорций обмена на рынке. Поэтому профессор Мизес утверждает, что отсутствует и список потенциальных вариантов, доступных в сфере капитальных благ. Однако эта путаница основана на том, что он путает “цену” в узком смысле с “ценой” в широком смысле, то есть со списком вариантов. Для размещения ресурсов необходимы лишь “цены” в широком смысле, и *на основании технических возможностей трансформации одного товара в другой* они также даны и в социалистической экономике»⁴⁵.

Очевидно, что Ланге запутался: ведь он считает, что параметрические цены в социалистической экономике будут (в силу соответствующих технических возможностей трансформации, то есть «уже известных» производственных функций) включать информацию, идентичную той, которая возникла бы в рыночной экономике. *Иными словами, Ланге путает параметрические цены с рыночными ценами.* Израэль Кирцнер со свойственной ему пронизательностью остановился на этом более подробно и привлек внимание к принципиальной ошибке Ланге: тот предполагает, что рынок стремится к равновесию посредством процесса, в ходе которого неизменные цены выполняют параметрическую функцию, и, соответственно, в течение этого процесса все экономические субъекты воспринимают цены как «данность», то есть пассивно приспосабливаются к ним и не имеют возможности их изменить. Ланге со своей интерпретативной моделью рынка, к сожалению, заблуждается, так как на настоящем рынке ключевая роль цен связана не с их параметрической, а с их непараметрической функцией, которая реализуется в том, что предприниматели непрерывно обнаруживают неравенство в ценах и действуют так, чтобы воспользоваться вытекающими из этого возможностями извлечения прибыли, продавая и покупая, и, следовательно, непрерывно модифицируя и создавая цены *ex novo*⁴⁶. *Поэтому рыночные цены — «непара-*

⁴⁵ Oskar Lange, *On the Economic Theory of Socialism*, 61.

⁴⁶ Кирцнер пишет следующее: «Ланге не сумел понять, что отличительной особенностью рынка является то, каким образом *меняются* цены, иначе говоря — то, что рыночные цены на практике

метрические», в том смысле, что они предоставляют информацию о текущих диспропорциях, создают стимулы для покупки и продажи и, в конечном счете, подвергаются постоянной модификации под воздействием энергии предпринимательства и вследствие его осуществления. Экономические агенты не ведут себя пассивно, отвечая на импульсы извне, они действуют в типично предпринимательской манере, то есть наступательно, и постоянно находятся на чеку, стремясь первыми обнаружить либо создать новые прибыльные возможности и воспользоваться их преимуществами. Цены — это не данность, к которой люди приспосабливаются. Наоборот, люди постоянно действуют, создавая цены и изменяя их. Кроме того, только эта предпринимательская (и непараметрическая) функция цен приводит к выявлению существующей рассогласованности в поведении членов общества и запускает общий процесс (тенденцию), направленный на социальную координацию. Поэтому, разумеется, нелепо было бы считать, подобно Ланге, что непараметрическую функцию цен в рыночной экономике, которая всегда зависит от свободного предпринимательства и является единственным, что обеспечивает функционирование координирующего тренда в социальном процессе, возможно имитировать в системе, где свободное предпринимательство по определению полностью уничтожено и цены рассматриваются исключительно с параметрической точки зрения⁴⁷.

воспринимаются как непараметрические. Одно дело — представлять себе, что можно замотивировать социалистических менеджеров так, чтобы они подчинялись правилам, установленным на основании введенных из центра «цен», и совсем другое — считать, что *непараметрическую* функцию цены (когда цена не воспринимается как данность и ее могут менять отдельные участники рынка), которая зависит исключительно от открытия предпринимателем новых возможностей для извлечения чистой прибыли, можно имитировать в системе, где целиком и полностью отсутствует частнопредпринимательская функция» (Israel M. Kirzner, *Discovery and the Capitalist Process*, 31. См. также: *Ibid.*, 126—129).

⁴⁷ Эту ошибку также сделали все комментаторы, утверждавшие, вслед за Шумпетером, что еще до того, как Мизес опубликовал свою статью, Вильфредо Парето и Энрико Бароне «доказали», что экономический расчет при социализме возможен. Как мы видели, изучая позицию этих исследователей, в их работах можно

найти исключительно аргумент формального сходства. Иными словами, они формально определили, какого типа информация должна быть доступна социалистической власти для того, чтобы экономический расчет был возможен в условиях статичности. Тем не менее совершенно очевидно, что одно дело — определить тип и объем информации, необходимой для достижения этой цели, и совсем другое — решить теоретическую проблему того, как получить эту информацию, что, по мнению Мизеса и Хайека, при социализме невозможно в силу типичных особенностей этой системы. Кроме того, мы видели (см. сноски 8 и 9, глава 4), как и Вильфредо Парето, и, в меньшей степени, Энрико Бароне, упоминали, что в отсутствие рынка интересующую нас информацию или знание получить в принципе невозможно. Наконец, как нам уже известно, ту же самую ошибку совершают представители современной планометрической теории, начиная с Эрроу и Гурвица. (См. подробный анализ этой теории в разделе 5 главы 5.) Экономисты Восточной Европы, которых Джон Грей (John Gray, *Liberalisms: Essays in Political Philosophy* [London: Routledge, 1989], 174) относит к наиболее образованным представителям экономической науки в том, что касается истории экономической мысли, начали повсеместно признавать тезис Мизеса и Хайека о том, что уничтожение капиталистических рыночных институтов делает экономический расчет невозможным, в отличие от своих коллег в западных странах, остающихся в плену неоклассической парадигмы Вальраса. Среди этих экономистов особого внимания заслуживают Владзимеж Брус и Казимир Ласки, в основном потому, что они некогда были учениками Оскара Ланге и даже его соавторами (См.: *Problems of Political Economy of Socialism* [New Delhi: People's Publishing House, 1962]. Ласки написал для этого сборника статью об условиях общего равновесия между производством и потреблением, pp. 108—151; в статье Бруса говорится о проблемах маржинального (т.е. на основе предельных величин. — *Ред.*) учета в социалистической экономике, pp. 175—194.) Я был глубоко тронут более поздними высказываниями этих экономистов о том, что неоклассическая модель Вальраса бесполезна в качестве теоретического фундамента для социалистической экономики, потому что она не включает предпринимательства, и в силу этого широко распространенное до сих пор мнение, будто бы Ланге опроверг Мизеса, совершенно беспочвенно. В самом деле, Брус и Ласки пишут: «Технологические знания, необходимые для заполнения элементов системы уравнений Вальраса, являются не исходными данными, а информацией, которую можно обнаружить исключительно в процессе конкурентной борьбы. Таким образом, то, что имеет значение, — это особые «приемы предпринимательского мышления», своего рода

интуиция, которая срабатывает тогда, когда человек действительно находится в ситуации конкуренции. ... В модели рыночного социализма Оскара Ланге все эти аспекты отсутствуют, и это *подтверждает, что претензии этой модели на то, чтобы быть убедительным опровержением доказательства Мизеса—Хайека, были необоснованными*» (Włodzimierz Brus, Kazimierz Laski, *From Marx to the Market: Socialism in Search of an Economic System* [Oxford: Clarendon Press, 1989], 58.) Мы могли бы также упомянуть венгерского исследователя Яноша Корнаи, который в своей статье «Венгерский процесс реформ» (János Kornai, “The Hungarian Reform Process,” *Journal of Economic Literature* 24, no. 4 [December 1986]: 1726—1728, переиздана в качестве главы 5 книги *Vision and Reality: Market and State* [New York: Harvester Wheatsheaf, 1990]) прямо пишет, что «Ланге жил в бесплодном мире чистой теории Вальраса» (р. 1727) и критикует роль неоклассической школы в споре об экономическом расчете за то, что «центр тяжести переместился в сторону вычисления правильных ценовых сигналов. При этом была утрачена главная идея Мизеса—Хайека, связанная с *соперничеством*. В настоящем рыночном процессе участвуют те действующие субъекты, которые хотят и могут использовать свои *специфические знания* и возможности. Они являются соперниками. В этом смысле рынок всегда находится в состоянии динамического неравновесия. Кто-то выигрывает, а кто-то проигрывает. Победа приносит плоды: выживание, рост, больше прибыли, больше дохода. Поражение приносит потери: убытки, сокращение доходов и в конечном счете уход с рынка. Если использовать нашу терминологию, то рынок по Мизесу—Хайеку подразумевает *жесткие бюджетные ограничения* и рынок покупателя. Пока система и политический режим не обеспечивают этих двух условий, настоящего рынка нет. *Главный недостаток модели Ланге состоит в том, что она даже не рассматривает эти два условия, и ту же самую ошибку совершили многие из последователей Ланге*» (pp. 1727—1728). Наконец, русский экономист Габриэль Темкин в статье «Об экономических реформах в социалистических странах: возвращение к спору об экономическом расчете при социализме» (Gabriel Temkin, “On Economic Reforms in Socialist Countries: The Debate on Economic Calculation under Socialism Revisited,” *Communist Economies* 1, no. 1 [1989]: 31—59), утверждает, как и остальные процитированные нами восточноевропейские исследователи, что «в модели Ланге нет никаких следов предпринимательства, ни в чисто теоретическом, ни в практическом аспекте. Предпринимательство тесно привязано к модели Общего Равновесия и фактически игнорируется, потому что в таком контексте нет места для теории предпринимательского выбора... И, поскольку в

5. Критический анализ классической модели Ланге

Вводные терминологические разъяснения

Мы приступаем к описанию и критическому анализу модели «конкурентного решения» Оскара Ланге. Однако сначала необходимо сделать некоторые разъяснения относительно терминологии. Как мы видели в предыдущем разделе, описывать «решение» Ланге как «конкурентное» можно только, если понимать под «конкуренцией» то узкое значение этого термина, которое используется для описания носящей парадоксальное название модели «совершенной конкуренции». Иными словами, решение Ланге является «конкурентным» лишь в том смысле, что оно не подразумевает никакой конкуренции, потому что «конкуренция» рассматривается исключительно с точки зрения статичной ситуации, которую описывает неоклассическая модель общего равновесия. То же самое можно сказать по поводу использования Ланге и его последователями выражения «рыночный социализм». В нем слово «рынок» не относится к реальному рынку, то есть к социальному процессу, движимому энергией предпринимательства, который обладает общими характеристиками, подробно описанными нами в главе 2 этой книги. Наоборот, у Ланге этот

социалистической экономике, основанной на государственной собственности, не может быть корректной имитации рынка и предпринимателя, в лучшем случае можно воспроизвести лишь рутинные задачи менеджера. Но и в этом случае имитация не будет ни точной, ни близкой к оригиналу». Темкин завершает здравицей в честь Мизеса: «Возможно, памятник Мизесу, по поводу которого Ланге язвил полвека назад, в конце концов будет воздвигнут: если не на Красной площади, то в Будапеште, поближе к его родной Австрии» (р. 53). Я хотел бы добавить от себя лично, что в свете исторических событий, произошедших в остальных восточноевропейских странах, такие памятники должны поставить в столицах всех стран, которые официально перестали быть социалистическими, в первую очередь — в Берлине, Варшаве, Праге, Будапеште, а также в Москве. (Как мы отмечали в сноске 21 к главе 4, памятник Мизесу уже стоит как минимум в библиотеке экономического факультета Варшавского университета, рядом с бывшим кабинетом Оскара Ланге.)

термин относится к пассивному поведению экономических агентов. Любое творческое предпринимательство исключено, а вся информация, как предполагается, доступна для действующих субъектов. Итак, классическая модель «рыночного», или «конкурентного», социализма у Оскара Ланге и его последователей содержит эти термины именно потому, что она основана на неоклассической экономической теории Вальраса, где понятия «рынка» и «конкуренции» теряют свое значение и не имеют связи с реальной сущностью и характером этих институтов. Теперь, после разъяснения этого терминологического вопроса, перейдем к подробному рассмотрению классической модели Ланге в том виде, в каком он сформулировал ее в первоначальной версии своей статьи «Об экономической теории социализма»⁴⁸.

Описание модели

Считая неоклассическую теорию цен и «совершенной конкуренции» идеальным теоретическим фундаментом для социалистической системы, Ланге начинает свою статью с подробного обзора типичных элементов теории экономического равновесия в том виде, как ее обычно излагают в учебниках. С точки зрения неоклассической теории в модели «совершенной конкуренции» равновесие достигается при выполнении следующих трех условий: во-первых, говоря «субъективно», при рыночных ценах все участники экономической системы должны достичь своего «максимума»; во-вторых, говоря «объективно», при равновесных ценах предложение и спрос на каждое из благ и услуг должны быть равны; в-третьих, доход всех потребителей должен быть равен доходу, полученному от использования их производственных факторов.

Как хорошо известно, первое условие выполняется во всех случаях, когда потребители максимизируют полезность, а производители — прибыль, а для этого, в свою очередь, требуется, чтобы потребители равномерно распределили предельную полезность, взвешенную по ценам, на все потребительские блага и услуги, а производители уравнивали взвешенные коэф-

⁴⁸ См. pp. 65—89 репринта 1964 года статьи “On the Economic Theory of Socialism,” с предисловием Липпинкота.

фициенты предельной производительности с ценами на все факторы производства и производили такой объем продукции, при котором предельные издержки равны цене (или предельному доходу). Кроме того, если предположить, что вход на рынок и выход с него полностью свободны, то на уровне сектора или отрасли цена товара должна равняться средним производственным издержкам. С учетом того, что доходы потребителей будут определяться ценами на услуги факторов производства, а также того, что спрос всегда должен быть равен предложению, с помощью типично вальрасовского процесса «нащупывания» (или проб и ошибок) можно будет «определить» тот набор цен, при котором рынок будет находиться в равновесии. Если в ходе «нащупывания» объем предложения будет отличаться от объема, на который есть спрос, цены будут изменяться под воздействием «конкуренции» между покупателями и продавцами до тех пор, пока не будет достигнута точка равновесия⁴⁹. Предъявив это объяснение того, каким образом равновесие «теоретически» и «практически» достигается в «капиталистической системе», Ланге пытается показать, что его можно таким же образом достигнуть в социалистическом сообществе.

По мнению Ланге, первое условие, которое мы назвали «субъективным», будет выполнено применительно к потребителям, если им будет разрешено максимизировать полезность на полностью «конкурентном» рынке потребительских благ и услуг, точно так же, как это происходит в капиталистической системе. Однако у производителей больше не будет возможности максимизировать прибыль; вместо этого они должны будут соблюдать два *правила*; центральное бюро планирования принудительно навязет им эти правила и будет следить за тем, как они их выполняют. Два этих правила разработаны для того, чтобы *имитировать* результаты максимизирующего поведения производителей на рынке; таким образом, они должны обеспечивать замену принципа максимизации прибыли теми результатами, которые дает этот принцип в рамках модели «совершенной конкуренции».

Первое правило требует от производителей, чтобы они выбирали такое сочетание факторов, которое минимизирует

⁴⁹ Takashi Negishi, “T tonnement and Recontracting,” in *The New Palgrave: A Dictionary of Economics*, 4: 589—595.

средние производственные издержки. *Второе правило*, распространяющееся также на менеджеров различных предприятий, требует от них производить столько, чтобы предельные издержки были равны ценам. На уровне отрасли общий уровень производства также будет определяться с помощью второго правила, но отвечать за его соблюдение будут не менеджеры отдельных фирм, а менеджеры каждой из отраслей, которых обяжут в соответствии с этим правилом увеличивать или сокращать производство в отрасли. Следовательно, по мнению Ланге, выполнение второго правила на уровне каждой отрасли функционально будет играть роль, которую принцип свободы входа и выхода играет на конкурентном рынке.

В модели Ланге и цены на потребительские блага и услуги, и ставки заработной платы определяются рынком, а центральный плановый орган «устанавливает» только цены на факторы производства. В этом смысле, изначально центральному плановому органу требуется просто установить какие-нибудь «цены» на факторы производства, определив их интуитивно или произвольно. Менеджеры фирм и отраслей, так же как потребители и наемные работники, принимают все решения пассивно, то есть приспособливают их к упомянутым «ценам» и выполняют вышеописанные правила; таким образом определяется величина спроса и предложения для каждого отдельно взятого блага или услуги. Если для некоторых производственных благ спрос и предложение не совпадают, то центральный плановый орган должен пересмотреть и изменить цены посредством «процесса проб и ошибок», который прекращается в момент достижения окончательной цены равновесия, иными словами, тогда, когда спрос становится равен предложению, или наоборот. Соответственно, цены, которые центральное бюро планирования устанавливает на факторы производства, являются чисто «параметрическими»: они задают пассивность поведения экономических субъектов, которые должны просто приспособливаться к этой данности, а также «объективно» порождают определенные индикаторы (дефицит или избыток товара), «однозначно» побуждающие центральный орган принуждения модифицировать цены так, чтобы достичь равновесия. Итак, центральный плановый орган заменяет рынок в том, что касается размещения капитальных благ, и социалистическая система формально в состоянии достичь равновесия модели «совершенной конкуренции» с помощью того самого метода «проб и ошибок»,

который Вальрас разработал для «конкурентной системы» и который Тейлор уже предлагал на 8 лет раньше Ланге в качестве «решения» для социалистической системы.

Две интерпретации модели Ланге

На этом этапе можно было бы выдвинуть две интерпретации модели Ланге: широкую и узкую. Эту модель можно рассматривать как попытку «решения» второстепенной задачи (мы называли ее «вычислительной», или задачей алгебраических вычислений): системы уравнений равновесия по Вальрасу, которую мы обсуждали в процессе анализа «математического решения». С этой точки зрения, главное достоинство модели Ланге состоит в том, что в ней не нужно решать такую систему уравнений, ни на бумажке, ни с помощью компьютера. Однако в связи с тем, что в модели Ланге вся информация, необходимая для того, чтобы сформулировать и обсчитать эту задачу или систему уравнений, уже порождена и считается заданной (то есть предполагается, что она уже существует где-то на рынке), эта модель не решает фундаментальную проблему, поставленную Мизесом (проблему невозможности создания и передачи информации, необходимой для экономического расчета, в условиях отсутствия частной собственности на средства производства и свободы предпринимательства).

Модель Ланге можно также рассматривать как попытку решить фундаментальную проблему, поставленную Мизесом, но тогда мы видим, что, поскольку эта модель предполагает, что в чрезвычайно значимых сферах рынка существуют препятствия для свободного предпринимательства, информация, без которой экономический расчет невозможен, не порождается, и, следовательно, модель не может быть ответом Мизесу. Как мы увидим ниже⁵⁰, имеются крайне убедительные доказательства того, что Ланге считал свою модель просто инструментом для вычислений (это было неизбежно, потому что он так и не понял смысла открытия Мизеса, в ос-

⁵⁰ См. в особенности отрывок из статьи Ланге «Компьютер и рынок», который мы цитируем в конце этой главы, в разделе, посвященном «четвертому этапу» научного пути Ланге. См. также комментарии на этой и следующих страницах.

новном из-за искаженного представления об экономической науке, почерпнутого из неоклассической теории Вальраса, под гипнозом которой Ланге находился всю свою жизнь). Тем не менее, поскольку те, кто интерпретировал творчество Ланге и его учеников, воспринимали его модель как попытку решить фундаментальную проблему создания и передачи информации, поставленную Мизесом, наш критический анализ модели Ланге будет исходить из наиболее широкой интерпретации; это означает, что мы будем рассматривать ее как попытку решить ту проблему, которую сформулировал Мизес.

Критический анализ максимально широкой интерпретации модели Ланге

Прежде чем продолжить, следует отметить, что идеи Ланге включают многочисленные элементы (метод «проб и ошибок», установление цен в соответствии с предельными издержками, центральное бюро планирования, отдающее распоряжения менеджерам и т.п.), из которых почти все, как мы видели, уже предлагались социалистическими теоретиками, хотя и по отдельности. Новизна подхода Ланге состояла главным образом в том, что он более логично увязал их с неоклассической моделью Вальраса. Поэтому мы могли бы повторить здесь все комментарии и критические замечания, уже высказанные нами применительно к различным компонентам разных «решений» проблемы экономического расчета при социализме, которые мы уже проанализировали и которые Ланге в той или иной степени включает в свою модель. Кроме того, на этом этапе читателю должно быть нетрудно самому понять, что, поскольку модель Ланге связана с запретом на свободное предпринимательство в ключевых сферах рынка и на различных уровнях, она в принципе не может быть решением проблемы экономического расчета в социалистической системе. Если свободное предпринимательство не разрешается в одной из фундаментальных областей (например, в области капитальных благ), то предпринимательству не позволяют находить, генерировать и передавать базовую (практическую, субъективную, рассеянную и невербализованную) информацию, необходимую людям для того, чтобы они могли производить рациональные расчеты и согласованным образом корректировать свое поведение. Тем

не менее в контексте модели Ланге крайне необходимо сделать некоторые особенно важные критические замечания, которые, мы полагаем, послужат иллюстрацией применения нашего главного аргумента к этой конкретной модели.

1) Невозможность составить список капитальных благ

Во-первых, следует задать вопрос: каким образом центральный плановый орган может параметрически устанавливать цены на капитальные блага, если их тип, число, количество, качество и характеристики неизвестны даже самим участникам процесса производства? Капитальным благом является *любая промежуточная стадия* в процессе производства, субъективно расцениваемая как таковая участником этого процесса. Иными словами, всё, что, по мнению действующего субъекта, полезно для достижения его цели, является капитальным благом (если это не просто услуги наемного труда). Следовательно, различить то, что составляет капитальное благо, способен только участник процесса, который будет обнаруживать эту информацию постепенно в ходе предпринимательства; тем самым субъективный, практический, рассеянный и неартикулируемый характер этой информации сделает ее недоступной для центрального планового органа. Кроме того, не следует считать, что опыт, то есть знания о том, что в прошлом составляло капитальные блага, может помочь в составлении их списков. Дело в том, что концепция капитальных благ — субъективная и исключительно *потенциальная*; действующий субъект определяет ее в зависимости от того, как, по его мнению, события будут происходить в будущем. Если что-то сработало в прошлом, нет никакой гарантии, что в будущем это повторится. Только те блага, которые человек субъективно считает потенциально полезными (благодаря их особым качествам, их наличию в нужное время в нужном месте и т.п.) для достижения конкретной цели и осуществления конкретного проекта, будут капитальными благами.

Однако дело не только в том, что центральный орган принуждения в принципе не может получить рассеянную информацию, необходимую для того, чтобы опознать существующие капитальные блага. Дело также в том, что в той степени, в какой обычные экономические субъекты будут лишены возмож-

ностей для свободного проявления предпринимательства, на практике эта информация даже не будет замечаться и порождаться. Если экономические субъекты не могут действовать как предприниматели, то есть не могут придумывать новые цели, преследовать новые прибыльные возможности и использовать их по максимуму, то прибыль не будет служить стимулом и, следовательно, необходимая практическая информация о целях и средствах, которая возникала бы на свободном рынке, даже не будет создаваться.

Этого довода достаточно для демонстрации того, что модель Ланге теоретически и практически неосуществима и соответственно она никак не может быть решением поставленной Мизесом проблемы экономического расчета. На практике, как отметил Мизес в опубликованном в 1940 г. пространном ответе на статью Ланге, фиксация параметрических цен центральным плановым советом была бы чистым произволом не только с точки зрения выбора конкретных цифр, но также (что гораздо хуже) с точки зрения типа и количества благ, на которые устанавливались бы цены. Кроме того, результатом фиксации этих цен стал бы набор грубых, однородных категорий «капитальных благ» под неудачными названиями, которые отражали бы мнение о капитальных благах, якобы существовавших в прошлом; эти категории не учитывали бы необходимых различий между специфическими обстоятельствами времени, места, качества и т.п. А ведь именно эти различия — когда на них субъективно смотрит предприниматель — делают те блага, которые мы наблюдаем во внешнем мире, капитальными благами, и дарят им их самую сокровенную, тонкую и существенную особенность⁵¹.

⁵¹ Хайек пишет: «Процесс установления цен будет ограничиваться назначением единообразных цен на целые классы товаров и поэтому различия, основанные на особых обстоятельствах времени, места и качества, не будут находить в этих ценах никакого отражения. Без какого-то подобного упрощения число различных товаров, на которые пришлось бы устанавливать отдельные цены, практически достигало бы *бесконечности*. Однако это означает, что у руководителей производства не будет никакого стимула и даже реальной возможности пользоваться уникальными благоприятными обстоятельствами, особыми договоренностями и всеми мелкими преимуществами, предоставляемыми специфическими местными условиями, поскольку все это не могло бы вхо-

2) Абсолютно произвольная продолжительность периода времени, на которое устанавливаются параметрические цены

Во-вторых, не только «параметрические цены» и список «капитальных благ» будут устанавливаться произвольно, но и период времени, в течение которого плановый орган будет считать, что цены должны оставаться неизменными, тоже будет абсолютно произвольным. Это один из тех пунктов, где противоречивость позиции Ланге проявляется особенно четко, потому что в одном месте он утверждает, что корректировка цен всегда будет происходить «в конце отчетного периода», а в другом — пишет, что цены будут корректироваться «постоянно»⁵². В обоих случаях продолжительность этого периода будет абсолютно произвольной, потому что у бюро планирования не будет той информации, которой обладают предприниматели в действительно конкурентной экономике, информации, позволяющей им менять цены тогда и так, когда и как они считают это наиболее правильным и полезным с точки зрения достижения своих целей. У центрального планового органа никогда не будет доступа к такой информации; поэтому, если власть установит какой-либо отчетный период, он, несомненно, окажется слишком долгим, а если решения принимаются *ad hoc*, в зависимости от оценки хода событий, они все равно будут приниматься на чисто произвольных

дить в их расчеты». См.: F. A. Hayek, “Socialist Calculation III: The Competitive Solution” in *Individualism and Economic Order*, 193 [Хайек. Экономический расчет при социализме III: конкурентное решение // Хайек. Индивидуализм и экономический порядок. С. 187] [Курсив мой. — У. *de C.*]. Тем не менее мы полагаем, что в этой статье Хайек не приводит тот фундаментальный довод (со всеми его следствиями из него), который мы изложили в нашем тексте.

⁵² Ланге защищает первое решение на с. 82 своей статьи «Об экономической теории социализма»: «Любая цена, отличная от цены равновесия, продемонстрирует в конце отчетного периода излишек или дефицит соответствующих товаров». Через 4 страницы (с. 86) он мимоходом высказывается в пользу второго решения: «Корректировка цен будет происходить постоянно». Несмотря на первое впечатление стройности изложения, идеи Ланге крайне беспорядочны. Стоит только присмотреться — и хаотичность и неясность его рассуждений становятся очевидными.

основаниях, так как центральный орган не может обладать тем непосредственным знанием об этих событиях, которым обладают экономические субъекты.

3) Отсутствие настоящего рынка труда, потребительских благ и услуг

В-третьих, несмотря на слова Ланге о том, что должен обязательно существовать полностью свободный конкурентный рынок потребительских благ и услуг, а также труда, возникает впечатление, что этот «рынок» будет «свободным» и «конкурентным» лишь номинально⁵³. Дело в том, что для действительно конкурентного рынка потребительских товаров и услуг требуется ничем не стесненное присутствие настоящих предпринимателей, или свободных действующих субъектов, не только со стороны спроса, но и со стороны предложения. Если на любой из этих сторон возникает принуждение, рынок перестает быть конкурентным. Итак, невозможно представить себе,

⁵³ Генри Диккинсон, который несколько позже, чем Ланге, стал одним из главных защитников «конкурентного решения», открыто признает, что существование свободного и конкурентного рынка потребительских благ при рыночном социализме будет скорее фиктивным, чем реальным, а также без тени стыда пишет, что государственный аппарат рекламы и пропаганды создаст у граждан ложное впечатление свободного выбора потребительских благ и услуг. Цитируем: «Мощный инструмент пропаганды и рекламы в руках государственных воспитательных и просветительских служб... мог бы отвлечь спрос, направив его в желательном с социалистической точки зрения отношении, при этом *сохранив субъективное впечатление свободы выбора*». См.: Henry Douglas Dickinson, *Economics of Socialism* (Oxford: Oxford University Press, 1939), 32. Оскар Ланге тоже продемонстрировал свое истинное лицо, когда посвятил целиком 4-й раздел своей статьи «Об экономической теории социализма» объяснениям, что его модель будет работать, даже если центральный орган принуждения решит запретить свободный выбор трудовой деятельности и потребительских товаров и услуг, навазав вместо этого всему обществу частные предпочтения властей. Поэтому не вызывает удивления, что, как мы увидим, на завершающем этапе своей академической карьеры Ланге восхвалял и оправдывал сталинистскую систему.

каким образом менеджеры социалистической системы, которые не являются настоящими предпринимателями, так как не могут свободно стремиться к (субъективно определенной) прибыли или выгоде, могли бы генерировать информацию о непрерывном запуске в производство новых потребительских благ и услуг, об усовершенствовании существующих благ, об изменениях, присходящих с их качественными характеристиками, дистрибуцией, физическим размещением, рекламированием и т.п., — информация, которая постоянно создается в капиталистической системе. Соответственно, потребители были бы вынуждены выбирать из ограниченного «меню» потребительских благ и услуг, которые предлагают им социалистические менеджеры. Без сомнения, «рыночные социалисты» и, в особенности, Ланге так много говорят о «конкурентном рынке потребительских благ» (и даже злоупотребляют термином «суверенитет потребителя» применительно к социалистической системе) потому, что в социалистической системе «суверенитета» и свободы не больше, чем, например, у заключенного, считающего себя свободным тогда, когда он ограничивает свою деятельность пространством камеры⁵⁴.

4) Бессмысленность предложенных Ланге «правил»

В-четвертых, правила Ланге о том, что нужно выбирать то сочетание факторов, при котором минимизируются средние издержки, и производить такое количество продукции, при котором цены равны предельным издержкам, невозможно использовать на практике. То, что Ланге считал свои «правила» очевидными и работающими, является еще одним свидетельством вредного влияния на его взгляды неоклассической тео-

⁵⁴ Этой аналогией мы обязаны работе: Robert Bradley, "Market Socialism: A Subjectivist Evaluation" in *The Journal of Libertarian Studies*, 39, note 86. То же самое можно сказать о якобы конкурентном «рынке труда». Для конкурентного рынка труда требуется непрерывное появление новых рабочих мест в результате новых инвестиционных проектов, создания новых компаний, возникновения новых предпринимательских идей и т.п. Все это неосуществимо в модели Ланге, где нет предпринимателей, а есть только менеджеры, которые, подобно роботам, ограничены совокупностью правил, предварительно установленных сверху.

рии издержек и конкретно широкораспространенного мнения о том, что издержки «объективны» и определяются функциями, связанными с «данной» информацией. Однако, как мы со всей определенностью выяснили в главе 2, издержки — это просто субъективные оценки ценности, приписываемой действующим субъектом целям, от которых он отказывается, когда выбирает определенный план действий, принимает решение его осуществить или реализует его. Издержки — это субъективные оценки упущенных возможностей, и, таким образом, они являются типичной предпринимательской информацией, которую непрерывно оценивает и создает каждый действующий субъект во всех тех случаях, когда он может свободно реализовывать свою предпринимательскую функцию и предпринимательскую бдительность. Кроме того, эта информация обладает всеми особенностями, которые мы выявили у предпринимательской информации: она субъективна, носит практический, рассеянный и неартикулируемый характер. Очевидно, что, раз издержки не даны (то есть функция издержек отсутствует), а в ходе реализации каждого плана действий субъективно оцениваются методом проб и ошибок, то вряд ли можно приказать отраслевым менеджерам выполнять «правила» Ланге, и уж конечно, центральное бюро планирования не способно объективно следить за их исполнением.

Предложение Ланге просто демонстрирует, что на практике неоклассическая теория издержек не смогла усвоить открытия субъективистской революции, кроме как чисто номинально, и на самом деле продолжает опираться на прежний, устаревший «объективизм» Рикардо и Маршалла⁵⁵. Поэтому нас

⁵⁵ К сожалению, в современных учебниках все еще излагается совершенно не критический взгляд на неоклассическую парадигму Вальраса и условия оптимума, сформулированные для модели «совершенной конкуренции» в рамках экономической теории благосостояния. Кроме того, многие знаменитые учебники даже ссылаются на «правила Ланге», прямо утверждая, что они позволили бы обеспечить этот оптимум в социалистической экономике. Делая такие заявления, авторы учебников не снисходят до каких-либо разъяснений и пренебрегают всеми обсуждавшимися нами проблемами, о которых они даже не упоминают. На то, чтобы исправить ущерб, который наносится тем самым экономическому образованию, могут потребоваться годы, а, возможно, причиненный вред уже необратим. В качестве примера можно при-

не должно удивлять заявление Джеймса Бьюкенена о том, что причиной полемики о возможности экономического расчета в социалистических экономиках является непонимание социалистическими теоретиками подлинной, субъективной природы издержек, хотя, возможно, он слегка преувеличивает⁵⁶. Покойный Джек Уайзмен в заслуживающей внимания статье 1959 г. о проблеме издержек в связи с экономическим планированием при социализме, подчеркивает субъективный характер издержек и определяет их как оценку возможностей, которые утрачиваются в результате предпочтения одного плана действий остальным потенциальным планам и проектам. Только тот, кто предпринимает эти инициативы, спосо-

вести известный учебник Гоулда и Фергюсона (J. P. Gould and S. E. Ferguson, *Microeconomic Theory* [Illinois: Richard D. Irwin, 1980], 445), где мы читаем буквально следующее (без каких-либо дополнительных разъяснений и комментариев): «*Теорема (правило Ланге—Лернера)*: Для достижения максимального общественного благосостояния в децентрализованной социалистической экономике государственный плановый орган должен решить проблему условной максимизации и получить *невяные цены* на все виды сырья и конечной продукции, чтобы *дать указание* всем потребителям и всем менеджерам заводов действовать так, как если бы они *занимались максимизацией прибыли или удовлетворения на совершенно конкурентных рынках*» (курсив мой. — У. де С.). Итак, мы обнаруживаем совершенную нелепость, выраженную в категорической форме и возведенную на уровень «научного вывода» в «авторитетном» учебнике.

⁵⁶ См. введение Джеймса Бьюкенена к *L. S. E. Essays on Costs*, 3—10, а также *Cost and Choice* (Chicago: Marckham Publishing, 1969), 21—26, 34—35, 41, 96. Нам кажется, что Бьюкенен несколько преувеличивает, потому что оценка издержек, хотя и необходима для рационального экономического расчета, представляет собой только часть всей информации, создаваемой и передаваемой в процессе предпринимательства (который включает также оценку целей). По нашему мнению, главная причина полемики — не столько непонимание подлинной, субъективной природы издержек, сколько фундаментальное отсутствие всякого понятия об истинной природе человеческой деятельности и предпринимательства, о чем шла речь в главе 2. Бьюкенен приходит к выводу: «Уровень путаницы в голове у современных экономических теоретиков измеряется тем, до какой степени они готовы согласиться с утверждением о победе Ланге над Мизесом, несмотря на многочисленные эмпирические доказательства обратного» (*L.S.E. Essays on Costs*, 5).

бен произвести эту субъективную оценку, воплощением которой является решение (часто неявное) о том, приступать или нет к реализации конкретного плана. Этот процесс никогда не приводит к появлению информации, позволяющей объективно зафиксировать цены, приравняв их к объективно установленным предварительно данным об издержках. Таким образом, Уайзмен приходит к выводу, о том, что «правила» Ланге не могут служить руководством для менеджеров социалистических отраслей и что, соответственно, любое подобное правило будет произвольным — как в отношении его конкретного содержания, так и с точки зрения усилий центрального бюро планирования по практическому и действенному контролю за его соблюдением⁵⁷.

⁵⁷ Уайзмен пишет: «Если согласиться с тем, что неопределенность существует, то больше невозможно считать проблему альтернативных издержек исключительно проблемой редкости, которая решается выбором между вариантами затрат производственных факторов и выпуском продукции при данных ценах. Это значит, что альтернативные издержки больше не представляют собой результат суммирования и сравнения известных данных. Цены и другие переменные следует оценивать: в решениях по поводу альтернативных издержек участвует неопределенность (и, следовательно, человеческие суждения), а не только редкость. Проблема издержек теперь возникает как проблема выбора из *возможных планов действий*... Поскольку с альтернативными издержками нельзя обращаться так же, как с известными денежными издержками, а следует рассматривать их как *оценки упущенного потенциального дохода*, то в условиях неопределенности больше не имеет смысла говорить, что эффективное распределение ресурсов происходит тогда, когда цены равны предельным денежным издержкам». В заключение Уайзмен делает вывод, что в социалистической системе «правило предельных издержек в его обычной формулировке не является ясным ориентиром для тех, кто отвечает за организацию производства в такой экономике. Попытки переформулировать это правило с учетом неопределенности исключают возможность прямого контроля над тем, как менеджеры в коллективистской экономике выполняют это правило. Любой косвенный, объективный контроль, который будет использоваться в качестве дополнения к правилу предельных издержек, на практике заменит это правило в качестве директивы для менеджеров; кроме того, *в любом случае, абсолютно объективный контроль невозможен*» (Jack Wiseman, "Uncertainty, Costs, and Collectivist Economic Planning," *Economica*

Следовательно, очень мало смысла в том, чтобы приказывать менеджерам заводов и компаний использовать то сочетание факторов, с которым связаны самые низкие издержки. С учетом субъективного характера издержек, это правило лишено смысла и означает то же самое, что приказывать менеджерам «поступать наилучшим возможным образом», при этом не разрешая им совершать предпринимательские действия, которые только и могут обеспечить желаемый результат — снижение издержек⁵⁸. Действительно, в рыноч-

[May 1953], переиздано в качестве 9 главы книги *L. S. E. Essays on Costs*, 229, 234—235). Дж. Тирлби пришел к тем же выводам несколько раньше; в своей знаменитой статье «Правитель» (G. F. Thirlby, “The Ruler,” *South African Journal of Economics* [December 1946], переиздана в качестве главы 7 книги *L. S. E. Essays on Costs*) он пишет, что любое правило, устанавливающее существование объективной и различимой связи между доходом и издержками (например, что предельный доход равен предельным издержкам, или что цена равна предельным издержкам, или что совокупный доход равен предельным издержкам и т.п.) «не обладает объективностью, которая приписывается ему по умолчанию; следовательно, применение этого правила невозможно». Между прочим, из этого объяснения следует, что у значительной части так называемой «теории образования цен на услуги государственных предприятий коммунального хозяйства» (см.: Jack Wiseman, “The Theory of Public Utility Price: An Empty Box,” in *Oxford Economic Papers* [Oxford: Oxford University Press, 1957], no. 9) и «экономического анализа [антимонопольного] законодательства» отсутствует теоретическое обоснование.

⁵⁸ Пол Крейг Робертс (Paul Craig Roberts, “Oskar Lange’s Theory of Socialist Planning: An Obscurant of Socialist Aspirations” in *Alienation and the Soviet Economy* [New York: Homes and Meir, 1990], esp. pp. 96—98) также приходит к выводу о том, что «правила» Ланге невозможно применять на практике. Хотя мы обязаны Робертсу многими важными наблюдениями, например, доказательством несовместимости марксизма с «рыночным социализмом», а также демонстрацией того, что в так называемом советском «централизованном планировании» рационализация присутствует исключительно *ad hoc* и *a posteriori*, мы считаем его анализ социализма неверным, так как он недостаточно субъективистский, то есть не основан на изучении последствий систематического принуждения для людей и социальных процессов. Кроме того, самих по себе противоречий между марксизмом и моделью Ланге недостаточно для того, чтобы поставить эту модель под сомнение; если модель Ланге воплощает «надежды» многих людей, для ее

ной экономике со свободным предпринимательством у предпринимателей постоянно возникают новые идеи, догадки и т. п. относительно создания новых сочетаний капитальных благ, а также новых, более дешевых и более производительных технических параметров, которые можно проверить в процессе предпринимательства и которые, если оказываются успешными, приводят к соответствующей предпринимательской прибыли и постепенному устранению конкурентов. Эти конкуренты, если они хотят выжить, вынуждены вводить те усовершенствования и новшества, которые уже были обнаружены и успешно опробованы. В предложенной Ланге системе этот процесс полностью отсутствует: там нет возможности для свободного предпринимательства и поэтому информация о способах сокращения издержек, связанных с капитальными благами, даже не порождается. И даже если бы она вдруг возникла случайным образом, это не имело бы значения, так как центральное бюро планирования заранее устанавливает цены

опровержения нужны более сильные аргументы, чем те, которые использует Робертс. Кроме того, Робертс нигде не учитывает предпринимательства; у него ограниченные и путаные представления о причинах возникновения спора и позиции Мизеса и Хайека; у Майкла Поланьи его больше интересует довольно слабый (в силу его «объективистского» характера) анализ «полицентричных и иерархических» структур общества, чем теория о неявном и неартикулируемом характере практического знания, которая, как нам известно, гораздо важнее для теоретического изучения социализма. Наконец, Робертс не осознает, что навязывание сверху модели социалистического равновесия, «подобной нирване», где отсутствуют любые изменения и исправления, полностью совместимо с целями Маркса (с уничтожением отчуждения за счет того, что участники любого социального процесса будут хорошо понимать его корни и ход развития, а также за счет сознательного управления экономикой). Соответственно, нас не должно удивлять «роковое влечение», которое теоретики равновесия обычно испытывают к социализму (и интервенционизму), хотя мы согласны с Робертсом в том, что разрыв с Марксом происходит именно в тот момент, когда делается попытка, как, например, в модели «конкурентного социализма», ввести некоторые рыночные институты, чтобы облегчить достижение равновесия. Более позднее объяснение несовместимости характерных для рынка критериев размещения ресурсов с традиционной социалистической идеологией см.: Pawel H. Dembinski in *The Logic of the Planned Economy: The Seeds of the Collapse* (Oxford: Clarendon Press, 1991), esp. pp. 68—69.

на эти товары, и поэтому единственным вариантом действий, доступным для менеджера, которому повезло с «предпринимательской идеей», было бы попытаться убедить соответствующий орган централизованного планирования в том, что данное конкретное благо дешевле и эффективнее производить другим способом и, следовательно, цену на него нужно снизить. Разумеется, это было бы невозможно — не только из-за трудностей с передачей практического, рассеянного, субъективного и неартикулируемого знания, но и потому, что, по определению и в соответствии с моделью Ланге, центральный плановый орган снижает цены только тогда, когда *a posteriori* становится ясно, что существует перепроизводство, а не тогда, когда более или менее «талантливый» и «самобытный» менеджер считает, что в будущем лучше было бы поступать по-другому⁵⁹.

⁵⁹ «При обсуждении проблем такого рода, как и в большей части современных дискуссий по экономической теории, этот вопрос часто трактуется так, как если бы кривые издержек были объективно данными фактами. При этом забывается, что наиболее дешевый при существующих условиях метод предпринимателю надо *открывать и переоткрывать заново*, зачастую изо дня в день; а также что, несмотря на сильные стимулы, далеко не всегда наилучший способ открывает обязательно авторитетный предприниматель, руководитель уже существующего завода. В конкурентном обществе силой, вызывающей снижение цены до самого низкого уровня издержек, с какими можно произвести количество продукции, на которое при таких издержках найдутся покупатели, является возможность для каждого, кому известен более дешевый метод, пойти на риск и привлечь потребителей, установив цену ниже, чем другие производители. *Однако этот путь исключен, если цены зафиксированы властью*. Любое усовершенствование, любое приспособление технологии производства к изменившимся условиям будет зависеть от чьей-то способности убедить ВЭС в том, что данный товар можно производить дешевле и что, следовательно, цену следует понизить. Поскольку у человека с новой идеей не будет возможности заявить о себе, снизив цену, то новую идею нельзя будет доказать экспериментально, если только он не убедит ВЭС, что его метод производства данного изделия дешевле. Или, другими словами, каждый расчет аутсайдера, уверенного, что он способен на большее, должен будет изучаться и одобряться властями, которым в таком случае придется брать на себя все функции предпринимателя» (F. A. Hayek, “Socialist Calculation III: The Competitive Solution” in *Individualism and Economic Or-*

Все эти аргументы относятся и ко второму «правилу» Ланге, так же как и возражение, которым Мизес и Хайек ответили на предложение немецких теоретиков Хеймана и Карла Поланьи использовать «критерий предельных издержек» и разработавших для этого модель социалистической организации, основанную на множестве «конкурентных монополий или трестов». Не следует забывать, что правило предельных издержек не имеет смысла, потому что в любом случае не издержки определяют цены, а цены определяют издержки. Соответственно это правило сомнительно, как и любые рассуждения в жанре порочного круга. Кроме того, одним из самых существенных компонентов издержек является норма амортизации капитальных благ, и поэтому, чтобы вычислить издержки, нужно знать стоимость будущей замены капитального блага. В предложенной Ланге системе было бы невозможно получить эту информацию, потому что она зависела бы либо от той произвольно выбранной параметрической цены, которая будет установлена в будущем, либо от будущего результата произвольного процесса приспособления, основанного на рекомендованном Ланге методе «проб и ошибок».

Кроме того, Ланге пишет о «предельных издержках так, как если бы они не зависели от периода времени, на который

der, 196—197 [Хайек. Экономический расчет при социализме III: конкурентное решение // Хайек. Индивидуализм и экономический порядок. С. 190][Курсив мой. — *У. де С.*]. В статье «Роль планирования в социалистической экономике» (“*Role of Planning in Socialistic Economy*,” in *Problems of Political Economy of Socialism*) Ланге признается, что он никогда не понимал фундаментального доказательства Хайека; хотя Ланге согласен с тем, что установление цен на базе предельных издержек связано с огромными практическими трудностями, он полагает, что переменные средние издержки компаний с самыми высокими издержками для каждой отрасли могли бы служить надежным и реалистическим приблизительным ориентиром (pp. 32—34). Ланге не понимает, что предложенный им практический подход означает использование чисто произвольной цифры, которая извлекается из интерпретации событий прошлого и не имеет ничего общего с тем понятием издержек, без которого невозможен рациональный экономический расчет. Поэтому с помощью предложенного им «правила» можно лишь приравнять цены к «номинальным» издержкам в абсолютных цифрах, которые будут преувеличенными, так как они включают и маскируют разнообразные виды низкой производительности и избыточности.

должен ориентироваться менеджер конкретной отрасли или компании. Правда, в работах теоретиков «рыночного социализма» содержится различие «краткосрочного» правила (хотя, что такое «короткий» период, не указывается) приравнивания цен к предельным издержкам и «долгосрочного» инвестирования, когда увеличение или уменьшение технической оснащенности учитывается непосредственно. Однако, если цель в том, чтобы установить практическое, действующее правило, и плановый орган должен следить за его выполнением, то абсолютно необходимо установить период времени, который должен учитываться в каждом конкретном случае, чтобы была возможность понять, какие факторы на протяжении этого периода будут постоянными, а какие — переменными, и соответственно рассчитать предельные издержки. Очевидно, что не существует объективного, рационального критерия, чтобы решить, какой период времени следует выбрать, и это еще один признак того, что «правило Ланге», которое мы обсуждаем, невозможно ввести на практике⁶⁰.

Итак, что касается издержек, то предложение Ланге просто источает дух статической концепции экономической теории, которая подразумевает по умолчанию, что никаких изменений не происходит и вся информация, необходимая для калькуляции издержек, уже доступна. При наличии этих двух условий «правила» Ланге можно было бы применять, если бы мы могли допустить, что в будущем никакие изменения не повлияют на заданные издержки. Однако в реальной жизни, где информация не является заранее данной, а издержки субъективны и постоянно меняются, ни одно из двух правил, сформулированных Оскаром Ланге, нельзя использовать для того, чтобы сделать социализм возможным⁶¹.

⁶⁰ По этому поводу Абрам Бергсон писал: «На практике мы должны считаться не с уникальными предельными издержками для каждого уровня использования материалов, а с совокупностью материальных издержек, где каждая единица соответствует определенному периоду времени. По мере того как начинает рассматриваться все более продолжительный период времени, все больше «постоянных факторов» становятся переменными» (Abram Bergson, "Socialist Economics" in *A Survey of Contemporary Economics*, ed. Howard S. Ellis [Illinois: Richard D. Irwin, 1948], 427).

⁶¹ Вероятно, самое простое объяснение дал Дон Лавой: «Правило $MC=P$ будет оптимизировать размещение ресурсов в данной

5) Теоретическая невозможность использования
«метода проб и ошибок»

В-пятых, Ланге в своей модели придает настолько большое значение использованию метода «проб и ошибок», что мы вынуждены вернуться к этой теме. Хотя уже высказанных нами возражений, несомненно, достаточно, чтобы продемонстрировать, что «решение» Ланге неосуществимо на практике, нам придется снова указать на каждый из девяти критических доводов против метода «проб и ошибок», которые мы подробно изложили в предыдущей главе.

В частности, давайте вспомним, что простота «правила», требующего наблюдать за состоянием ресурсов и запасов, чтобы отмечать любой избыток или дефицит и соответственно корректировать цены, обманчива, потому что не существует объективной точки отсчета для таких наблюдений; кроме того, невозможно ни генерировать, ни передавать ту информацию, которая необходима, чтобы модифицировать цены в нужном направлении. На самом деле просто обратившись к статистическим данным о запасах, невозможно объективно распознать дефицит или избыток товара. Дело в том, что, вне зависимости от расчетов или цифр, отраженных в статистике, «дефицит» или «избыток» существует тогда, когда действующий субъект на основании каких-либо конкретных обстоятельств считает, что он существует. «Избыток товара» может вовсе не быть избытком, если человек субъективно рассматривает более долгий период времени или ожидает увеличения спроса в течение этого периода. В этих обстоятельствах со стороны центрального планового органа было бы серьезной ошибкой снизить параметрические «цены» на том основании,

структуре средств и целей до тех пор, пока ожидаемые в будущем издержки будут равны текущим издержкам. Это мир статичных ожиданий, которые разумны в статичном мире. Однако в мире постоянных изменений предприниматель должен стараться предугадать спрос, формируя ожидания и действуя соответствующим образом. Он будет рассматривать свои издержки на базе специфических альтернативных вариантов, которые будет считать потенциально возможными в момент выбора. И то, как он оценивает доходы, и то, как он оценивает издержки, зависит от его ожиданий в момент принятия решения» (Don Lavoie, *Rivalry and Central Planning*, 141).

что эта мера приблизит их к гипотетическим ценам равновесия, которое должно сформироваться на рынке. Точно так же то, что выглядит как «дефицит», может не быть дефицитом, если человек предполагает падение спроса или, хотя бы и ошибочно, полагает, что разумный способ справиться с этой проблемой — с помощью инноваций и использования заменителей, а не посредством повышения цены. Поскольку понятия «избытка» и «дефицита» чисто субъективны, они могут возникнуть лишь в контексте свободного проявления предпринимательства и представляют собой часть субъективной, практической, рассеянной и неартикулируемой информации, которая, соответственно, не может быть передана центральному плановому органу. Кроме того, как мы уже знаем, если менеджеры не могут быть совершенно свободными в проявлении предпринимательства, то информация, без которой невозможен рациональный экономический расчет, даже не будет порождаться на их уровне. Поэтому решения центрального планового совета повысить цену, когда «наблюдается» дефицит товара, и снизить цену, когда «ощущается» его избыток, чисто произвольны и никоим образом не могут обеспечить рациональный экономический расчет.

В мире реальной экономики не существует «функций» спроса и предложения, волшебным, но объективным образом указывающих на количество товара, которое будет произведено и востребовано по каждой конкретной цене, и позволяющих любому внешнему наблюдателю, понаблюдав за уровнем запасов, установить, каким образом нужно изменить цену, чтобы достичь равновесной цены. Цены не являются итогом пересечения кривых (или функций) спроса и предложения — они возникают из множества человеческих взаимодействий в процессе предпринимательства, посредством которого действующие субъекты непрерывно пытаются предсказать условия, которые сложатся в будущем, и действовать так, чтобы максимально использовать эти условия.

Кроме того, в отношении производственного оборудования, или сектора капитальных благ, метод, предложенный Ланге, часто вообще теоретически неприменим; например, это всегда так в случае с оборудованием, которое заказывают специально и производят в небольших количествах, в отличие от стандартных капитальных благ массового производства. Нам совершенно непонятно, как Оскар Ланге мог считать, что в отноше-

нии таких видов оборудования, как крупные заводы, большие проекты в области недвижимости, доменные печи, суда специального назначения и т.п. можно объективно выявить избыток или дефицит конкретного блага, просто наблюдая за тем, что происходит с запасами. Если решение об изменении цены откладывается на то время (несколько лет), которое необходимо для того, чтобы корректно оценить степень и продолжительность наблюдаемого дефицита или избытка, то к тому моменту, как правильное решение будет принято, будет уже слишком поздно. Однако, если решения принимаются спешно, на основании пристрастных догадок центральных плановых органов, то, вероятно, неизбежно будут происходить серьезные и непоправимые ошибки⁶².

⁶² Хайек пишет: «...я также убежден, что поглощенность понятиями чистой экономической теории ввела в серьезное заблуждение обоих наших авторов. В данном случае, несомненно, именно понятие совершенной конкуренции заставило их упустить из вида очень важную сферу, к которой их метод, по-видимому, просто неприменим. Когда мы имеем дело с рынком вполне стандартизованного товара, то по крайней мере можно представить, что все цены следовало бы декретировать заранее сверху на определенный период. Совершенно иная ситуация складывается, однако, в отношении товаров, не поддающихся стандартизации, особенно производимых сегодня по индивидуальным заказам, возможно, после участия в тендерах. К этой категории принадлежит большая часть продукции “отраслей тяжелой промышленности”, которые, конечно, были бы обобществлены в первую очередь. Большая часть оборудования, зданий и судов, многие виды другой продукции вряд ли вообще производятся на рынок иначе, кроме как по специальным контрактам. Это не означает, что на рынке не может быть интенсивной конкуренции за продукцию таких отраслей, хотя она может не быть “совершенной конкуренцией” чистой теории. Дело просто в том, что в них идентичные продукты редко производятся дважды за короткий период. И круг производителей, конкурирующих как альтернативные поставщики любого продукта, будет различным почти в каждом отдельном случае, так же как и круг потенциальных покупателей, конкурирующих за услуги конкретного завода, будет различаться от недели к неделе. Из чего же следует исходить во всех подобных случаях при назначении цен на продукцию с тем, чтобы “уравновесить спрос и предложение”?» (Hayek, “Socialist Calculation III: The Competitive Solution,” in Hayek, *Individualism and Economic Order*, 188—189 [Хайек. Экономический расчет при социализме III:

Наконец, модель Ланге предусматривает две возможности: либо все транзакции приостанавливаются на то время, пока центральный плановый совет выясняет, существует ли дефицит или избыток, какие цены нужно поменять, в какую сторону и насколько, либо разрешаются транзакции по «неправильным ценам». В первом случае, который мы рассматривали, когда анализировали планометрические модели, вся экономическая активность прекращается и в этот период система полностью теряет гибкость и способность осуществлять расчеты. Ланге, вероятно, не приходило в голову, что если сделки по «неправильным ценам» разрешаются, то система в целом получит множество искаженных сигналов, что помешает достижению «равновесия», которого он так страстно желает. Этой проблемы не возникает в реальной рыночной экономике, в которой рассогласованность транзакций стимулирует постоянно стремящихся к прибыли предпринимателей к тому, чтобы находить и выявлять случаи отсутствия координации. Если все экономические агенты не могут свободно проявлять предпринимательство и свободно стремиться к прибыли, то нет никакой гарантии, что возникнет общий процесс координации, который корректирует поведение всех участников в системе. Скорее всего, Ланге этого так и не понял.

б) Произвольная фиксация ставки процента

В-шестых, важно отметить, что фиксация процента ставки (понимаемой как цена настоящих благ относительно будущего, или как отношение ценности, приписываемой текущему потреблению, к ценности, приписываемой будущему потреблению) в социалистической модели Ланге будет чисто произвольной. Держателям и поставщикам настоящих благ не дадут возможности принимать рациональные экономически обоснованные решения о том, как распределить свои ресурсы между текущим и будущим потреблением, в силу ограниченности «меню» настоящих благ, предлагаемых им системой, а также в силу невозможности в будущем иметь в распоряжении такое же изобилие потребительских товаров и услуг,

конкурентное решение // Хайек. Индивидуализм и экономический порядок. С. 183]).

как то, которое порождает система, где можно свободно проявлять предпринимательство, чтобы открывать и удовлетворять растущие потребности. При этом мы исходим из предположения, что центральный орган принуждения не настаивает на введении политики «принудительных сбережений», как это обычно происходит в действительности, к большому ущербу для настоящих потребителей.

Эта проблема, возможно, является еще более серьезной для тех, кто предъявляет спрос на настоящие блага. В настоящих благах нуждаются менеджеры различных социалистических компаний для того, чтобы выполнить свои инвестиционные планы. Они должны использовать наемный труд, а также получить сырье и капитальные блага, необходимые для того, чтобы изготовить различные части капитальных благ и произвести с их помощью те потребительские товары и услуги, которые станут доступны в будущем. Здесь мы снова сталкиваемся с двойной проблемой, которая находится в центре нашего теоретического анализа. Поскольку эти менеджеры не могут свободно проявлять предпринимательство, они не смогут даже создать ту практическую информацию, которая нужна им для рационального размещения ресурсов. Иными словами, поскольку они не могут воспользоваться прибылью от своих предпринимательских проектов, то не будут даже порождать нужных для этого идей. Кроме того, вопрос о том, какому менеджеру в итоге предоставят займы фонды, в каком количестве и на каких условиях, будет решать центральный плановый орган, а именно центральный банк, отвечающий за распределение таких ресурсов. Это значит, что окончательное решение будут принимать люди, не владеющие практической информацией из первых рук, которая для этого необходима (не только потому, что на уровне менеджеров эта информация даже и не порождается, но еще и потому, что ее преимущественно субъективный, практический, рассеянный и неартикулируемый характер помешал бы передать ее центральному органу принуждения даже в случае ее наличия). Соответственно, экономические расчеты, производимые в момент принятия решений о том, как центральный плановый орган будет распределять фонды, окажутся совершенно произвольными. Итак, модель Оскара Ланге является препятствием для существования настоящего рынка капитала и, в особенности, рынка ценных бумаг, отражающих право собственности в

компаниях. Как отмечал Лахман⁶³, это, несомненно, один из наиболее серьезных недостатков модели Ланге.

7) Игнорирование поведения, характерного для бюрократических органов

Наконец, *в-седьмых*, модель Оскара Ланге неработоспособна потому, что она не считается с реальным будущим поведением различных экономических агентов, в особенности — менеджеров национализированных компаний и бюрократов, руководящих центральным плановым органом, в том институциональном контексте, который создает сама эта модель. В модели Ланге экономический расчет теоретически невозможен, так как модель запрещает деятельность настоящих предпринимателей (см. главу 2), и к данному моменту мы рассмотрели эту проблему с разных точек зрения. Однако мы еще не уделили внимания тем специфическим типам поведения, которые модель Ланге будет стимулировать у предусмотренных ею экономических и социальных субъектов. Итак, наша задача состоит том, чтобы включить в наши рассуждения точку зрения школы «общественного выбора», активно развивающую в последнее время и занимающую в основном исследованием процессов взаимодействия людей в политических и бюрократических контекстах, где по определению преобладают принудительные институциональные отношения. Имея это в виду, нам следует учесть мнение Джеймса Бьюкенена, который критикует Ланге за то, что тот не рассматривает один из наиболее важных аспектов проблемы, а именно, то, как стали бы себя вести экономические агенты в построенной им инс-

⁶³ «Биржа — это, вероятно, наиболее характерный для рыночной экономики институт. Капиталистическую экономику от социалистической на самом деле отличает не размер «частного сектора», а то, что у индивида есть возможность свободно покупать и продавать доли в материальных ресурсах производства. Возможно, самое существенное ограничение прав граждан в социалистических обществах связано с тем, что они не могут проявлять свою изобретательность в этой сфере» (Ludwig M. Lachmann, "Methodological Individualism and the Market Economy," in *Capital, Expectations and the Market Process* [Kansas: Sheed, Andrews and McNeel, 1977], 161).

титucionalной структуре: «В третьем десятилетии нашего века в экономической теории возобладал интерес к прикладной математике, а не к каталлактике. Даже рынки стали рассматриваться как «инструменты для вычислений» и «механизмы», позволяющие или не позволяющие обеспечить идеализированные результаты размещения ресурсов. В сущности, рынки не рассматривались как институты обмена, где результаты возникают из сложноорганизованного взаимодействия в ходе обмена. Только благодаря этой современной парадигме экономической теории такой чудовищный абсурд, как идеализированная социалистическая структура Ланге—Лернера, мог быть серьезно воспринят практикующими экономистами (к сожалению, это до сих пор так). Мы можем с полным на то основанием спросить, почему экономистам не пришло в голову задаться вопросом о том, по какой причине социалистические менеджеры станут подчиняться идеализированным правилам. *Где найти экономических евнухов, которые должны действовать в этой системе?*»⁶⁴

Основы школы «общественного выбора», несомненно, заложил сам Мизес с его концепцией экономической теории как очень широкой области знания, предметом которой является теоретическое изучение всех связанных с человеческой деятельностью процессов. Концепция Мизеса побудила исследователей начать применять экономический анализ к тем человеческим действиям, которые происходят за пределами рынка в узком, традиционном значении этого термина, например, в политической и бюрократической сфере. В связи с этим нам следует упомянуть опубликованную в 1944 г. работу Мизеса о бюрократии, в которой он впервые доказал, что бюрократия неизбежно возникает во всех социальных сферах, где существует запрет на свободное предпринимательское стремление к прибыли⁶⁵. В этой работе Мизес исследует многое из того, что позже более детально рассмотрел, напри-

⁶⁴ См.: James M. Buchanan, “The Public Choice Perspective,” chap. 3 of *Liberty, Market and State: Political Economy in the 1980’s* (Sussex: Harvester Press, 1986), 25. См. также: David M. Levy, “The Bias in Centrally Planned Prices,” *Public Choice* 67, no. 3 (December 1990): 213–226.

⁶⁵ Ludwig von Mises, *Bureaucracy* (New Rochelle, New York: Arlington House, 1944) [Мизес Л. фон. Бюрократия. Челябинск: Социум, 2006].

мер, венгерский экономист Янош Корнаи в своем экономическом анализе реального функционирования экономик бывших стран Восточного блока. Чрезвычайно поучительно то, как Корнаи, стоя на позиции школы общественного выбора, формулирует в связи с моделью Ланге выводы относительно поведения центрального планового органа и менеджеров социалистических компаний. Корнаи пишет: *«Модель Ланге основана на ошибочных предположениях относительно “планировщиков”*. Люди в его Центральном Плановом Совете — это воскресшие платоновские философы, воплощение честности, альтруизма и мудрости. Они полностью удовлетворены своей ролью, состоящей исключительно в том, чтобы обеспечивать исполнение “Правил”, приводя цены в соответствие со спросом. *Такой не от мира сего бюрократии никогда не было и не будет*. Политические бюрократии раздираемы внутренними конфликтами, которые являются отражением разделения в обществе и давления различных социальных групп. Они преследуют свои личные и групповые интересы, в том числе интересы конкретного специализированного органа, к которому они принадлежат. Власть неотделима от непреодолимого соблазна ее использования. *Бюрократ обязан быть интервенционистом, потому что в этом состоит его роль в обществе; это продиктовано его положением*. Модель Ланге основана еще на одном неверном предположении, которое касается поведения фирм. Он ожидает от фирмы подчинения Правилу, сформулированному создателями системы. Но общество — это не настольная игра, где изобретатель может устанавливать правила, как пожелает. Организациям и лидерам, которые идентифицируются со своими организациями, присущи фундаментальные влечения: к выживанию, росту, расширению организации, согласию внутри организации, к власти и авторитету, к созданию условий, которые облегчают достижение всех этих целей. Им можно дополнительно навязать сверху искусственную схему стимулирования посредством наград и наказаний. Схема может поддерживать некоторые из только что упомянутых неявных мотивов. Но если она вступает с ними в конфликт, следствием этого могут быть неопределенность и колебания. Лидеры организации попытаются либо повлиять на тех, кто навязал им схему стимулирования, либо уклониться от следования правилам. ...Результатом всего этого будет *не успешная имитация рынка, а обычный кон-*

фликт между регуляторами и фирмами, регулируемой бюрократией»⁶⁶.

Хайек в своем ответе Ланге 1940 г. также затронул эти проблемы. Он доказал, что модель Ланге неизбежно приводит к наихудшей форме бюрократии, потому что центральный плановый орган будет обязан следить за тем, как менеджеры следуют правилам, исполнение которых невозможно объективно проконтролировать. Система всегда будет изобиловать произвольными решениями органа принуждения и «неправильными» поступками менеджеров, озабоченных тем, чтобы продемонстрировать, по крайней мере на бумаге, уважение к установленным правилам, а также тем, чтобы с помощью разнообразных коррупционных технологий обеспечить себе связи и поддержку в плановом органе⁶⁷.

Кроме того, и сам Ланге — по крайней мере отчасти — осознал эти проблемы и даже написал, что «бюрократизация экономической жизни представляет собой реальную опасность для социализма»⁶⁸. Однако Ланге демонстрирует непонимание реального масштаба этой опасности, добавляя в следующих строках, что, во всяком случае, опасность бюрократизации при социализме будет не больше, чем в капиталистической системе, где принимающие решения менеджеры-предприниматели — это почти что государственные служащие, потому что они обычно не являются владельцами капитала и практически ни перед кем не отвечают. Сложно представить себе более узкое и более ошибочное понимание капитализма. Любой настоящей рыночной экономике присуща полная свобода проявления предпринимательства, вне зависимости от того, кто осуществляет предпринимательство с позиции лидера в конкретный момент и при конкретных условиях (акционеры, менеджеры и т.п.); последнее обстоятельство зависит от конкретных исторических факторов и не имеет никакого теоретического значения. В отличие от этого, при социалистическом режиме всем

⁶⁶ János Kornai, “The Hungarian Reform Process,” 1726–1727. (Статья вошла в качестве главы 5 в книгу: János Kornai, *Vision and Reality: Market and State* [New York: Harvester, 1990].)

⁶⁷ F. A. Hayek, “Socialist Calculation III: The Competitive Solution,” in *Individualism and Economic Order*, 198–199 [Хайек. Экономический расчет при социализме III: конкурентное решение // Хайек. Индивидуализм и экономический порядок. С. 192].

⁶⁸ Oskar Lange, “On the Economic Theory of Socialism”.

людям насильственно препятствуют проявлять предпринимательство как минимум в сфере капитальных благ, и принятие главных решений недоступно как раз тем, кто в условиях свободы предпринимательства мог бы создать или обнаружить информацию, необходимую для того, чтобы принимать рациональные решения.

Тем не менее Ланге передал свою озабоченность бюрократизацией социализма ученикам, которые создали огромное количество текстов, посвященных разработке и внедрению «бонусов» и систем стимулирования. Им не удалось решить поставленные проблемы, а на практике такие системы полностью провалились, несмотря на возлагавшиеся на них большие надежды, о чем сегодня мало кто помнит⁶⁹. Система «бонусов и поощрений», предназначенная для того, чтобы заставить социализм работать, сама неработоспособна с теоретической точки зрения, потому что для нее требуется, чтобы центральный плановый орган, отвечающий за предоставление поощрений и распределение бонусов, заранее обладал информацией, которая недоступна ему в принципе. Действительно, представление о том, что третья сторона может распределять поощрения и бонусы, неявно подразумевает, что до того, как наградить или оштрафовать, эта сторона знает, успешно ли была внедрена новая технология, удалось ли произвести новый товар или услугу, были ли выполнены правила. Однако, центральный плановый совет в принципе не может этого знать по причинам, уже неоднократно перечислявшимся выше. За координацией рассогласованных поступков внутри общества невозможно объективно и непосредственно наблюдать со стороны; об этом процессе можно только рассуждать теоретически, отмечая, что возникновение предпринимательской прибыли будет указывать на то, что координация (которую нельзя наблюдать непосредственно) успешно осуществлена. Кроме того, если для каждой конкретной ситуации координирую-

⁶⁹ Возможно, бесполезно упомянуть следующие работы: Martin L. Weitzman, "The New Soviet Incentive Model," *Bell Journal of Economics* 7, no. 1 (Spring 1976): 251–257; Vinson Snowberger, "Comment on the New Soviet Incentive Model," *Bell Journal of Economics* 8, no. 2 (autumn 1977); William G. Rosenberg, "Observations on the Soviet Incentive System," *ACES Bulletin* 19, nos. 3–4 (1977): 27–43.

щий эффект нельзя увидеть непосредственно и он становится заметен внешнему наблюдателю только по истечении продолжительного времени, причем только в общих чертах, частично, без подробностей и не до конца, то совершенно очевидно, что система бонусов и стимулов, подразумевающая объективные знания о событиях, для которых эти стимулы предназначены, и теоретически, и практически бесполезна для имитации функционирования предпринимательского процесса, в основе которого находится стремление к прибыли, возникающее в любой действительно конкурентной рыночной экономике. Кроме того, нелепо присуждать вознаграждение на основании того, что была создана какая-то особенно ценная информация, так как эта информация была приобретена *до того*, как было принято решение вознаграждения⁷⁰. Иными словами, задача состоит не в том, чтобы вознаградить «за оказанные услуги», а в том, чтобы создать для людей мощную мотивацию, которая побуждала бы их в будущем создавать и находить необходимую, но сегодня еще отсутствующую информацию (и поскольку эта информация неизвестна, никто не может даже вообразить себе ни возможность ее существования, ни ее потенциальную ценность; следовательно, связанную с ней систему бонусов, вероятно, нельзя разработать). Таким образом, нам нужна «система стимулов и бонусов», которые будут предоставляться в будущем во всех тех случаях, когда действия будут иметь координирующий эффект, при-

⁷⁰ Мыслью о том, что система бонусов и стимулов не имеет значения в социалистической системе, мы обязаны Израэлю Кирцнеру, который пишет: «Поощрение менеджеров за то, что они достигли или превзошли какой-то установленный уровень производства продукции подразумевает, что *уже известно* о том, что общество испытывает насущную потребность в увеличении уровня производства этой продукции. ... Но если предполагается, что такие вещи уже известны, то этим подразумевается, что *потребность в предпринимательском открытии вообще отсутствует*...» Кирцнер приходит к выводу, что в силу этого «стимулирование социалистических менеджеров представляет собой отрицание значения предпринимательского открытия» (Kirzner, *Discovery and the Capitalist Process*, 34–35). Мы вернемся к теме бонусов и стимулов в следующей главе и проанализируем некоторые дополнительные факторы, когда будем рассматривать предложения Диккинсона. Эти дополнительные факторы актуальны и для модели Ланге.

чем с учетом того, что объективный результат этой коррекции или координации в большинстве случаев может быть неочевидным для третьей стороны или может быть виден ей лишь отчасти и по истечении очень длительного периода времени. Такую «систему» может обеспечить только конкурентная экономика с частной собственностью на средства производства, где у людей есть полная предпринимательская свобода. В этих условиях, как нам уже известно, субъективная цель каждого действия представляет собой *мотив*, или *прибыль*, которая ожидается от этого действия, и эта цель оправдывает действие, приводит к возникновению необходимой информации и, в случае успеха, воплощается в реальную прибыль для действующего человека; а субъективный эффект от этой прибыли не может сравниться ни с какой искусственной системой «бонусов», как бы «прекрасно организована» и как бы совершенна она ни была.

Другие замечания о классической модели Ланге

Наш критический анализ классической модели Ланге был бы неполон без учета его утверждений на с. 89 и 116 обсуждаемой статьи.

На с. 89 Ланге пишет, что знания центральных плановых органов об экономической системе будут заведомо превосходить знания любого отдельно взятого частного предпринимателя, и поэтому процесс корректировки с помощью используемого государством метода «проб и ошибок» будет быстрее и эффективнее процесса корректировки в капиталистической системе. Трудно представить себе большее непонимание функционирования капиталистической системы, чем то, которое проявляет Ланге, когда с полной серьезностью формулирует это утверждение. Хотя и не исключено, что центральный плановый орган может иметь более верное общее представление об экономике, чем любой отдельно взятый предприниматель, проблема состоит не в этом, а в том, что центральный плановый орган в принципе не может получить доступ ко всему объему рассеянной информации, которую в капиталистической системе стихийно генерирует, использует и передает целиком вся сеть, состоящая из тысяч и тысяч предпринимателей. *Следовательно, знания центрального планового*

органа нужно сравнивать не со знаниями отдельно взятого предпринимателя, а с тем знанием, которое генерирует и использует вся сеть, состоящая из отдельных предпринимателей, которые свободно занимаются предпринимательством в свободном обществе. Поэтому процесс корректировки в социалистической системе не только не будет быстрее — он никогда не будет приводить к успеху, потому что плановый орган в принципе не способен овладеть информацией, необходимой для того, чтобы изменить цены в направлении гипотетического «равновесия». Так или иначе, мы не можем представить себе, как Ланге мог поверить в то, что его метод приспособления обязательно будет быстрее и эффективнее по сравнению с тем, что происходит в рыночной экономике — ведь в его модели менеджеры должны пассивно приспосабливаться к параметрическим ценам на капитальные блага, а цены могут меняться исключительно по решению центра. Иными словами, до тех пор, пока необходимая «информация» не будет получена и обработана и пока центр не определится со своим решением, менеджеры никак не могут изменить свое поведение по отношению к ценам, в отличие от предпринимателей в капиталистической системе, которые и могут это делать, и постоянно делают, хватаясь за попадающиеся им прибыльные возможности и постоянно стимулируя процесс приспособления без всякого излишнего временного лага.

На с. 106 Ланге утверждает, что его модель устраняет экономические циклы. Он считает, что «принципиально более высокий уровень информированности» контрольного органа позволит ему вовремя реагировать на предпринимательские ошибки и тем самым предотвращать циклические экономические кризисы, от которых страдают рыночные экономики. Однако, если Ланге действительно полагает, что контрольный орган обладает достаточным объемом информации, чтобы принимать успешные антикризисные меры, то почему он хочет доверить менеджерам принимать решения децентрализованно в очень важных социальных сферах (таких как потребительские блага, рынок труда, приспособление к параметрическим ценам и др)? Кроме того, у Ланге нет объяснения экономической депрессии, которую Мизес и Хайек⁷¹ рассмат-

⁷¹ Параллельно с исследованиями экономического расчета при социализме Мизес и Хайек разработали «теорию экономических

ривают просто как этап, на котором происходит корректировка структуры производства, искаженной государственным интервенционизмом (налоговым, монетарным и любого другого типа). С этой точки зрения, депрессия — просто неизбежная реакция рынка на любое принуждение в сфере размещения ресурсов и производственных факторов, чьи результаты не совпадают с желаниями потребителей. Она возможна исключительно в контролируемой экономике, где вмешательство государства (финансовое, фискальное или иное) приводит к неэффективному размещению ресурсов в крупном масштабе. С этой точки зрения, модель Ланге не только не предотвращает возникновение экономических депрессий — она будет неизбежно вызывать интенсивное, хроническое и масштабное непроизводительное инвестирование производственных факторов и капитальных благ общества. В результате общество погрузится в «хроническую депрессию», то есть в состояние постоянного непроизводительного инвестирования производственных ресурсов; этот феномен, включавший в том числе признаки циклической деградации, реально существовал и был довольно подробно изучен⁷² теоретиками из стран бывшего восточного блока⁷³.

циклов австрийской школы», которая объясняет, что общей особенностью всех циклов является нарушение координации в обществе вследствие агрессии государства по отношению к рынку. Обзор наиболее значительных работ по австрийской теории цикла см. в моей статье “La teoría austríaca del ciclo económico,” *Moneda y Crédito*, no. 152 (March 1980), включенной также в мою книгу *Lecturas de Economía Política* (Madrià: Unión Editorial, 1986), 1: 241—256.

⁷² См., напр.: Tomasz Stankiewicz, “Investment under Socialism,” *Communist Economies* 1, no. 2 (1989): 123—130.

⁷³ В основном тексте мы не стали касаться четырех дополнительных замечаний Ланге о капиталистической системе, поскольку они либо не связаны непосредственно с проблемой экономического расчета при социализме, либо уже так или иначе обсуждались в книге. Кроме того, аргументы Ланге довольно неоригинальны, они относятся к общим местам социалистической риторики и многократно опровергнуты другими исследователями. Так, он утверждает: 1) что социализм перераспределит доходы и тем самым позволит «максимизировать общественное благосостояние» (как будто это благосостояние можно измерить, как будто функции индивидуальной полезности существовали и поддавались вычислению и как

6. Третий и четвертый периоды научной деятельности Ланге

Третий период: 1940-е годы

Оскар Ланге был глубоко потрясен статьей 1940 года, в которой Хайек подробно, пункт за пунктом, разобрал и раскритиковал компоненты его модели и ее возможные последствия. В итоге, как пишет Габриэль Темкин⁷⁴, Ланге начал все больше сомневаться в своей модели «конкурентного развития», о чем свидетельствует следующее: во-первых, в своей переписке с Хайеком Ланге признал, что Хайек правильно указал на ряд существенных ошибок и проблем, которые его модель, будучи статичной, решить не в состоянии, и пообещал, что вскоре напишет статью в ответ на критику Хайека⁷⁵; во-вторых, несмотря на это обещание, Лан-

будто вся эта информация могла достичь регулирующего органа; 2) что в ходе принятия решений планирующий орган в состоянии учесть «истинные» социальные и внешние издержки (те же самые ошибки, плюс то, что «провала рынка» возникают именно потому, что отсутствие прав собственности (или неправильное понимание их государством) препятствует проявлению предпринимательства и осуществлению экономических расчетов в важнейших областях рынка); 3) что предприниматели в капиталистической системе ненастоящие (как в этом случае назвать тех «бедолаг», которые носят имена менеджеров и государственных служащих в социалистической системе?); и, самое удивительное, 4) что капитализм больше не совместим с экономическим и технологическим развитием общества (см.: “On the Economic Theory of Socialism”). Нет нужды повторять, что самым большим тормозом для прогресса является институциональное принуждение по отношению к свободному и творческому проявлению предпринимательства, и что, к счастью, через поколение после смерти Ланге эта проблема даже в восприятии самих социалистов совершила поворот на 180 градусов; в наши дни никто не сомневается в том, что социалистическая, а не капиталистическая система несовместима с технологическими инновациями и систематически препятствует экономическому развитию.

⁷⁴ Gabriel Temkin, “On Economic Reforms in Socialist Countries: The Debate on Economic Calculation under Socialism Revisited,” p. 55, note 6.

⁷⁵ Мы имеем в виду письмо Оскара Ланге Фридриху Хайеку от 31 августа 1990 г., написанное после получения им статьи Хайека «Рас-

ге так и не написал статьи, которая, как он утверждал в письме к Хайеку, будет ответом на критику последнего; в-третьих, в 1944 г. Ланге отказался вносить изменения в свой исходный текст о социализме 1936—1937 гг. для его дальнейшей публикации, мотивируя это тем, что его идеи так сильно изменились, что требуется совершенно новая статья, и что он планирует изложить свою новую концепцию социализма в отдельной главе экономического трактата, который уже начал писать⁷⁶. Часть трактата была опубликована, но главы о социализме, ожидавшейся читателями с большим нетерпением, там не было, как не было ничего похожего и в многочисленных книгах и статьях, опубликованных Ланге после этого, за единственным исключением не оправдавшей ожиданий статьи 1967 г. «Компьютер и рынок», которую мы подробно рассмотрим ниже.

Итак, совершенно очевидно (и, вероятно, это является наиболее характерной особенностью позиции Ланге в 1940-е годы), что он сам наконец понял то, что его «решение» ничего не решает, потому что оно чисто статическое. Одна-

чет при социализме: конкурентное решение» (“Socialist Calculation: The Competitive Solution”). Это письмо опубликовано во 2-м томе собрания сочинений Ланге (*Complete Works; Dziela* по-польски), который вышел в 1973 г. В нем мы читаем: «Несомненно, вам удалось поставить важные проблемы и указать на лакуны в *моем чисто статическом решении*. Я намерен поработать над этой темой и ответить вам... этой осенью» (р. 567). Ланге наконец понимает, в чем дело, и обещает разобраться с принципиальными научными проблемами. В 1920 г. Мизес доказал, что с точки зрения статистики социализм не является проблемой. Поэтому признание Ланге, что его решение «чисто статическое» означает признание в том, что это вообще не решение. (К сожалению, Ланге не выполнил своего обещания и так и не стал заниматься истинной, динамической проблемой экономического расчета при социализме).

⁷⁶ «Эта статья настолько далека от того, что я написал бы об этом сегодня, что, боюсь, результат любых поправок будет неудовлетворительным и не будет отражать мою нынешнюю позицию. Поэтому я склоняюсь к тому, чтобы не перепечатывать эту статью и выразить мои сегодняшние взгляды в принципиально иной форме. Сейчас я пишу книгу по экономической теории, где этой теме будет посвящена отдельная глава. Это, вероятно, лучше, чем пытаться переписать старье». Эта заметка Оскара Ланге относится к 1944 г., опубликована в: *Dziela*, 1975 (vol. 3); она цитируется также в: Tadeus Kowalik, “Oskar Lange,” in *The New Palgrave: A Dictionary of Economics*, vol. 3, pp. 127, 129.

ко Ланге не хватило научной честности, чтобы публично признать, что его модель не является ответом на теорию Мизеса и Хайека, которая носит «динамический» характер. Хуже того, в упомянутом письме к Хайеку Ланге даже упоминает применительно к динамическим проблемам «третью линию обороны», то есть аргументы, которые Хайек якобы высказал *ex novo* в статье 1940 г. Ланге отказывается признавать, что проблема была исключительно динамической с самого начала, с того момента, когда Мизес впервые сформулировал ее в 1920 г.

Во всяком случае, очевидно, что Ланге в основном отказался от своей классической модели и в том самом письме к Хайеку, которое мы процитировали, признал необходимость, насколько это возможно позволить действовать, процессам свободного рынка. Однако его одержимость неоклассической моделью «совершенной конкуренции» осталась прежней; об этом свидетельствует то, что в качестве критерия для разрешения рыночного поведения он выбирает (отказываясь тем самым от системы «параметрических» цен и метода «проб и ошибок», используемого регулирующим органом) требование, чтобы в каждом секторе присутствовало достаточно большое число компаний (предполагая, в полном соответствии с традиционной моделью «совершенной конкуренции», что это обстоятельство указывает на успешное приближение к «реальной» конкуренции, которая существует на рынке). Согласно этой новой точке зрения на социализм, государственная собственность на средства производства должна была бы распространяться только на наиболее вопиющие случаи монополии, олигополии, олигопсонии и тому подобные ситуации⁷⁷.

Еще более поучительны, если можно так выразиться, две лекции об экономическом функционировании социалистиче-

⁷⁷ «С практической точки зрения я должен, разумеется, порекомендовать, чтобы цены устанавливались в ходе рыночного процесса везде, где это возможно, то есть во всех тех случаях, когда количество производящих и покупающих единиц достаточно велико. Только там, где их количество так мало, что возникает ситуация олигополии, олигопсонии или двусторонней монополии, я выступал бы за установление цен государственным органом» (из письма к Хайеку от 30 августа 1940 г., воспроизведенного Коваликом на с. 127 его статьи об Оскаре Ланге).

ского общества, которые Ланге прочитал в Чикаго в 1942 г.⁷⁸: в них он не только попытался примирить рыночный принцип в чрезвычайно широком понимании с государственной собственностью на средства производства, но и практически не упомянул о том, что, вероятно, было наиболее яркой особенностью его модели в 1930-е годы, а именно об установлении центральным плановым советом параметрических «цен» и о внедрении метода «проб и ошибок», который на основе наблюдений за дефицитом и избытком запасов должен обеспечить модификацию этих «цен», чтобы они стали ближе к «точке равновесия». В своих рассуждениях Оскар Ланге продолжал опираться исключительно на неоклассическую теорию благосостояния и равновесия, и поэтому у него не было теоретических инструментов, необходимых для исследования «интересных динамических вопросов», которые, по его собственному признанию, поставил Хайек. Кроме того, в этих лекциях Ланге говорил, что ценообразование на социалистическом рынке должно опираться на принцип фиксации цен в соответствии с понесенными издержками, включающими не только частные издержки, но и «социальные издержки», которые несет каждая компания, причем и те, и другие издержки, по мнению Ланге, носят «объективный» характер. Обескураживает, что Ланге не смог осознать теоретической и практической неприемлемости этого принципа, и, следовательно, то, что критика со стороны Хайека не принесла ему никакой пользы.

Тем не менее, вероятно, самая существенная перемена во взглядах Оскара Ланге в этот период отражена в его статье 1943 г. «Экономические основы демократии в Польше» (“Economic Foundations of Democracy in Poland”), где он прямо отстаивает ограничение национализации только самыми существенными стратегическими отраслями (включая банковский сектор и транспорт). Кроме того, Ланге осознает вред

⁷⁸ См.: *Contributions to Political Economy*, no. 6 (1987), pp. 11—24, где Ковалик опубликовал полностью эти две лекции Оскара Ланге. По причинам, о которых мы писали, Ковалик считает, что в 1940-е годы Оскар Ланге «перешел от защиты целостного социализма к проповеди смешанной государственной (государственной и частной) экономики, функционирующей посредством развернутого рыночного механизма». См. pp. 1 и 2 статьи “Oskar Lange’s Lectures on the Economic Operation of the Socialist Society”, опубликованной Тадеушем Коваликом в том же издании.

от предоставления таким государственным монополиям особых привилегий и считает эти привилегии очень опасными для демократической системы в Польше. Частная собственность на средства производства должна быть гарантирована по крайней мере фермерам, ремесленникам, мелкому и среднему бизнесу, поскольку «это позволило бы сохранить гибкость и способность к адаптации, которой обладают только полностью частные предприятия»⁷⁹.

Четвертый этап: со Второй мировой войны до смерти. Отказ от рынка и оправдание сталинистской системы

Благотворное влияние Хайека на Ланге было недолгим. Начиная со Второй мировой войны и вступления Ланге в польскую коммунистическую партию, а также по мере увеличения политической активности, в своей концепции социализма Ланге начал постепенно отказываться от рынка, и эти постепенные изменения во взглядах привели его к теоретическому и практическому оправданию сталинистской экономической модели, которая применялась в СССР и которую эта страна решила навязать и своим новообретенным «сателлитам»⁸⁰.

⁷⁹ “Gospodarcze Podstawy Demokracji W Polsce” [Economic Foundations of Democracy in Poland], in *Ku Gospodarce Planowej* [К экономике централизованного планирования], London, 1943; цит. по: Kowalik, “Oskar Lange” in *The New Palgrave: A Dictionary of Economics*, vol. 3, p. 127.

⁸⁰ Карл Прибрам отметил, что перемена в теоретических взглядах Ланге совпала с его вступлением в польскую коммунистическую партию (Karl Pribram, *A History of Economic Reasoning*, p. 708, note 32). В свою очередь, Ковалик (Kowalik, “Oskar Lange,” *The New Palgrave*, vol. 3, p. 127) пытается оправдать этот переворот в мировоззрении Ланге, подобный отречению Коперника, тем, что по тактическим причинам, с учетом политических условий и атмосферы в польских научных кругах того времени противостоять тренду сталинизма было крайне неблагоприятно, а также тем, что свобода слова ученых-обществоведов была крайне ограниченной. По нашему мнению, аргументация Ковалика продиктована исключительно жалостью, и ничем иным, особенно в свете многочисленных статей опубликованных Ланге в авторитетных международных журналах, где он объяснял и оправдывал пере-

Кульминацией отказа Ланге от «конкурентного решения» и «рыночного социализма» стала его работа 1953 г., в которой он расхваливает сталинскую экономическую систему как с теоретической, так и с практической стороны⁸¹.

Как объясняет Ковалик, перемена во взглядах Ланге могла произойти под влиянием идеи о том, что модель «военной экономики», диктаторски навязанная сверху Сталиным, может облегчить ускоренную принудительную «индустриализацию» экономической системы и «эффективную» мобилизацию всех ресурсов на службу социалистическому идеалу (что означает полное предательство того демократического и «либерального» духа, которым ранее гордился Ланге). Однако позиция, которой придерживался Ланге в последние десятилетия своей жизни, была естественным следствием из теоретической модели равновесия, на которой он целиком и полностью построил свою концепцию социализма. В самом деле, мы уже видели, что марксистский идеал можно интерпретировать как сознательное желание принудительно навязать на всех уровнях и во всех социальных сферах нирвану равновесия и тем самым насильственно создать утопию, уничтожив реальные механизмы, обеспечивающие социальную координацию, в основе которых находится предпринимательство. У Оскара Ланге был выбор: он мог признать правоту Мизеса и Хайека, отказаться от своего арсенала, почерпнутого из теории равновесия, осознать принципы реального функционирования рынка и в итоге отказаться от своих социалистических идеалов, основанных на государственной собственности на средства производства;

мену в своих взглядах, а также защищал и восхвалял сталинизм. (См., напр.: "The Practice of Economic Planning and the Optimum Allocation of Resources," *Econometrica* [July 1949]: 166 ff.) Итак, в конце позиция Ланге практически полностью совпала с позицией Мориса Дobbа, чьи взгляды мы проанализируем в следующей главе. Добб считал «рыночных социалистов» отъявленными лицемерами и полагал, что триумф социализма возможен только тогда, когда он будет представлен таким, каков он есть, без «масок» и «конкурентных» косметических ухищрений.

⁸¹ "Zagadnienia Ekonomii Politycznej W Swietle Pracy J. Stalina 'Ekonomiczne Problemy Socjalizmu W ZSRR'" [Проблемы политэкономии в свете работы И. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР»], Warsaw, 1953; цит. по: Kowalik, "Oskar Lange," in *The New Palgrave: A Dictionary of Economics*, vol. 3, p. 129.

либо он мог любой ценой хранить верность идеалу равновесия, отказаться от введения конкурентных критериев (которые неизбежно привели бы его к отказу от социализма) и найти убежище в утопической модели равновесия, которую можно наиболее «эффективно» реализовать с помощью систематического применения сталинистского принуждения. В 1956—1957 гг. Ланге не дал разрешения на перевод на польский своей классической статьи 1936—1937 гг., поскольку, как пишет Ковалик, «не хотел поддерживать “социалистических рыночников”»⁸². Ланге действительно полностью отказался от «конкурентного решения» и совершил поворот на 180 градусов.

В связи с этим не следует удивляться, что в последней работе Ланге, где идет речь об экономическом расчете при социализме, в статье, посмертно опубликованной в 1967 г. (Ланге умер на операционном столе в Лондоне в 1965 г.), он собственно-ручно написал: «Менее 30 лет назад я опубликовал статью «Об экономической теории социализма». Парето и Бароне доказали, что условия экономического равновесия в социалистической экономике можно выразить в виде системы совместных уравнений. Цены, вычисленные на основании этих уравнений, создают базу для рационального экономического расчета при социализме (в это время рассматривался исключительно связанный со статическим равновесием аспект проблемы расчета). Позже Хайек и Роббинс заявили, что уравнения Парето—Бароне не имеют практического значения. Решение системы, состоящей из тысяч и тысяч уравнений, на практике невозможно, и, следовательно, практическая проблема экономического расчета при социализме оставалась нерешенной... В своей статье я опроверг аргументы Хайека—Роббинса, продемонстрировав, каким образом в социалистической экономике можно создать рыночный механизм, который приведет к решению совместных уравнений с помощью эмпирической процедуры проб и ошибок... Сегодня я ответил бы Хайеку и Роббинсу так: «В чем проблема? Давайте введем систему уравнений в электронно-вычислительное устройство и меньше, чем через минуту получим решение. Рыночный процесс можно рассматривать как вычислительное устройство докомпьютерной эры»⁸³.

⁸² Kowalik, “Oskar Lange,” in *The New Palgrave*, vol. 3, p. 128.

⁸³ Oskar Lange, “The Computer and the Market” (1967), переиздано в: *Socialist Economics*, ed. Alec Nove and D. M. Nuti (Middlesex:

Эти слова Ланге глубоко разочаровывают. Они свидетельствуют о колоссальном откате назад в вопросе об экономическом расчете при социализме: Ланге возвращается к чисто статическому взгляду на проблему (если сравнивать с его собственным признанием в частном письме Хайеку 1940 г.). Кроме того, он выступает с неполным и пристрастным описанием спора (как будто спор шел о статических проблемах, а не о динамике и предпринимательском процессе) и в целом приходит к выводу, что в рынке, который он описывает как архаичский механизм для вычисления равновесных цен, присущий стадиям, предшествующим появлению компьютерных систем, нет необходимости. Нет нужды повторять здесь все доводы, выказанные нами ранее в пользу теоретической невозможности — как сегодня, так и в будущем — обеспечить в обществе организацию и осуществление экономического расчета посредством централизованного планирования при поддержке любых сколь угодно мощных компьютерных систем⁸⁴. Таким

Penguin Books, 1972), 401—402. Впервые статья была опубликована в: *Socialism, Capitalism and Economic Growth: Essays Presented to Maurice Dobb*, ed. С. Н. Feinstein (Cambridge: Cambridge University Press, 1967). Наивная и необоснованная вера Ланге в то, что компьютеры способны обеспечить экономический расчет при социализме, ярко проявляется также в лекции о роли науки в развитии социалистического общества, которую он прочитал перед общим собранием польской Академии наук 19 мая 1962 г. Лекция опубликована в: *Ensayos sobre Planificación Económica (Barcelona: Ariel, 1970)*, 143—166, esp. 156—157, 162—163.

⁸⁴ О невозможности использования компьютеров для решения проблемы экономического расчета при социализме см. главу 3. Также представляют интерес наблюдения Нормана Барри в: Norman Barry, "The Economics and Philosophy of Socialism," *Il Politico*, year 49, no. 4 (1984): 573—592; автор подчеркивает, что вера Ланге в компьютеры основана на непонимании главного различия между научной информацией и той практической, субъективной и неартикулируемой информацией, которую используют экономические агенты в обществе (см. особенно р. 588). Ротбард в связи с этим отметил, что компьютеры и компьютерные программы, какими бы мощными они ни были, бесполезны, если базовая информация, которую в них вводят, неверна из-за того, что проявление предпринимательства принудительно ограничено. Он пишет: «Сегодня и экономисты, и народы социалистического лагеря, ставшие свидетелями того, как экономика их стран деградировала, несмотря на использование компьютеров, могут

образом, мы с грустью и разочарованием констатируем, что, как может подтвердить любой историк экономической мысли, в конце своей жизни Ланге цеплялся за статику и верил в то, что в обществе можно реализовать идеальную модель равновесия посредством плановой системы, основанной на компьютерных расчетах... и навязанной грубой силой сталинизма»⁸⁵.

рассматривать наивный энтузиазм Ланге по отношению к планировочным способностям компьютеров его времени исключительно как скверную шутку. Ланге, скорее всего, не был знаком с известным выражением программистов: *GIGO (garbage in, garbage out — мусор на входе — мусор на выходе)*» (Murray N. Rothbard, “The End of Socialism and the Calculation Debate Revisited,” *Review of Austrian Economics* 5, no. 2 (1991): 72).

⁸⁵ Итак, суть открытия Ланге состояла в том, что он обнаружил огромное сходство нормативных выводов из теории равновесия и традиционной марксистской модели (цель которой состоит в том, чтобы навязать обществу такое равновесие) и, соответственно, в конце своей научной карьеры стремился создать синтез неоклассической модели равновесия и марксистской теории, что ему отчасти удалось сделать. (См. его книги: *Political Economy*, vol. 1: *General Problems* [London: Pergamon Press, 1963] и *Ekonomia Polityczna*, vol. 2 [Warsaw: Panstwowe Wydawnictwo Naukowe, 1968].) Как это ни странно, в этих работах Оскар Ланге отдал должное своему давнему оппоненту Людвигу фон Мизесу, признав, что в области экономической науки синтез должен будет принять форму «праксеологии», или «общей теории человеческой деятельности» (*Political Economy*, vol. 1). Однако, воспринимая человеческую деятельность исключительно как совокупность реакций пассивных субъектов, действующих в среде, где вся информация является данностью, Ланге сводит фундаментальную проблему экономической теории к задаче эффективного размещения ресурсов и в силу этого ему не удается создать праксеологическую науку, уже созданную Мизесом в его главной книге «Человеческая деятельность», где проанализированы все следствия из общей теории человеческой и предпринимательской деятельности в том виде, в какой ей занимаются живые люди в реальной жизни. На эту тему см.: Murray N. Rothbard, “Lange, Mises and Praxeology: The Retreat from Marxism” in *Toward Liberty: Essays in Honor of Ludwig von Mises on the Occasion of his 90th Birthday*, vol. 2 (Institute for Humane Studies, 1971), 307—321. Бруна Инграо и Джорджио Израэль в своем блестящем историческом исследовании происхождения неоклассической вальрасианской парадигмы (см.: Bruna Ingrao and Giorgio Israel, *The Invisible Hand: Economic Equilibrium in the History of Science* [Cambridge, Massachusetts: The MIT Press, 1990], 253,

Ланге: эпилог

Выбор, перед которым стоял Оскар Ланге (либо отказаться от социалистического идеала ради нормальной рыночной экономики, либо найти убежище в окопах теории равновесия и сталинизма), сохранял актуальность и для ведущих социалистических теоретиков вообще, и для ближайших учеников Ланге в Польше, в частности. Однако только через 25 лет после смерти Ланге два его самых талантливых ученика, Влодзимеж Брус и Казимир Ласки, признали, что их учитель потерпел поражение в споре о социализме с представителями австрийской школы. Они подтвердили, что никто из «наивных реформаторов» (включая их самих) не добился успеха, и виновата в этом была их вера в то, что существует такое сочетание рынка с принудительным планированием, которое сделает социализм возможным. Эта

перевод с итальянского книги: *La Mano Invisibile* [Roma - Bari: Laterza & Figli, 1987]) называют позицию Ланге «нормативным» подходом к общему равновесию, в отличие от более «описательного подхода» Хикса и Самуэльсона. Нам, однако, кажется, что это различие не следует преувеличивать, потому что Ланге предлагал «нормативно» использовать модель общего равновесия в качестве основы социализма именно потому, что считал эту модель приемлемым «описанием» рынка в «позитивных» терминах. И Мизес, и Хайек отвергали эту идею Ланге именно потому, что считали модель общего равновесия фундаментально ошибочной в дескриптивном отношении. Австрийская теория рыночных процессов основана на куда менее рестриктивных и куда более реалистических предпосылках, чем модель общего равновесия; соответственно она является гораздо более мощным и полезным в позитивном отношении объяснительным инструментом, а с нормативной точки зрения — обеспечивает иную по сравнению с теорией равновесия, гораздо более действенную и серьезную защиту рыночной экономики и «невидимой руки». Представители австрийской школы воспринимают проблемы существования, единственности и стабильности общего равновесия как своего рода игру в бисер, поскольку реальность гораздо лучше описывается с помощью предпринимательства, и все, что необходимо для того, чтобы построить завершённый экономический анализ — это понимание координирующей силы чистого акта предпринимательства. И это не просто игра в бисер — это очень опасная игра, о чем свидетельствует то, что модель общего равновесия постоянно используется в нормативных целях, в том числе, как у Ланге, в качестве основания для неудачных попыток построить социалистическую систему.

теоретическая ошибка была исправлена лишь недавно, когда в результате драматических событий, произошедших в странах бывшего Восточного блока, экономические теоретики из этих стран наконец смогли понять теорию Людвиг фон Мизеса и осознать, насколько он был прав. Для экономиста из западного мира, где открытия австрийской школы в области экономического анализа социализма в основном остаются спрятанными в абсурдных хитросплетениях вальрасианской неоклассической парадигмы, это признание из уст двух наиболее талантливых учеников Оскара Ланге звучит настолько волнующе и завораживающе, что его хочется процитировать здесь целиком: «...как свидетельствует написанная незадолго до смерти статья “Компьютер и рынок”, он [Оскар Ланге] так и не смог ничего возразить на доводы австрийцев... Другим польским экономистам и экономистам из других социалистических стран в их работах по теории социализма это тоже не удалось; те, кто не был марксистами, в основном следовали за Вальрасом, в то время, как марксисты-рыночники — в том числе и мы сами — составляли группу объединившихся вокруг Корнаи «наивных реформаторов», которые с чрезмерным оптимизмом смотрели на перспективу соединения рынка с планом. В какой-то степени эти *теоретические неудачи*, возможно, были связаны с политическими и идеологическими ограничениями, но даже там и тогда, где и когда ограничения были минимальными (например, в Польше в 1956—1957 гг. и в Чехословакии перед советским вторжением 1968 г.), *весь спектр проблем, затронутых в критических возражениях Мизеса — Хайека, никогда не обсуждался открыто*. Эти вопросы выступили на передний план исключительно — или, выражаясь более осторожно, преимущественно — под воздействием в основном негативно-го опыта рыночных реформ*»⁸⁶.

* Имеются в виду попытки построения «рыночного социализма». — *Прим. перев.*

⁸⁶ Włodzimierz Brus and Kazimierz Laski, *From Marx to the Market: Socialism in Search of an Economic System*, 60.